

Пикты, их зверь и их эль

Алексей Федорчук

Алексей Федорчук

Это сочинение — попытка реконструкции происхождения пиктов и их «верескового эля», написанная в жанре исторической новеллистики. Оно начиналось как цикл заметок, посвящённых скорее истории одного литературного сюжета и его жизни в русской поэтической традиции, причём в откровенно шутовском ракурсе. Однако постепенно сочинение это, с одной стороны, обросло некоторыми историческими подробностями. А с другой, в первоначальной шутке оказалась лишь доля шутки, причём относительно небольшая. И в результате вниманию читателя предлагается четвёртая редакция, в котором рассматривается история пиктов, их взаимоотношение с возможными предками, потомками и соседями. А также того, какую роль во всём этом тёмном деле играли Лох-Несское чудовище и вересковый эль.

Содержание

- Вступление
 - Предисловие
 - Обзор источников
 - Отмазки
 - Об именах
 - О королях и принцессах
 - Благодарности
- О пиктах
 - Кем могли быть пикты?
 - Где жили пикты?
 - Когда жили пикты?
 - Забегая вперёд: пикты и гаэлы
 - Дела семейные
 - Закат Пиктавии
 - Так кто же такие пикты?
 - Доводы и аналогии
 - Реконструкция
- О «пиктском звере»
 - «Пиктский зверь» в изображениях

- Лохнесское чудовище или...
- ...безобидная рыбка?
- Английские параллели
- Пикты и христианство
- О пиктском эле
 - Представление третьего персонажа
 - Что пили на пирах?
 - Из вереска ли напиток?
 - Финал истории
- Приложения
 - Приложение 1. Предыстория сюжета
 - Приложение 2. Сюжет в русской традиции
 - Приложение 3. О старине Лу и его недописанных романах
 - Приложение 4. Вересковый эль
 - Приложение 4. Комментарий к балладе
 - Приложение 5. Старшая Эдда. Гренландская песнь об Атли

Вступление

Это сочинение вызвано к жизни стихотворением Роберта Луиса Стивенсона «Вересковый эль» («Heather Ale: A Galloway Legend») и его переводом, принадлежащим Самуилу Яковлевичу Маршаку. Если бы не этот перевод — многие из нас никогда не узнали бы ни об этом стихотворении, ни о том, что его написал автор «Острова сокровищ» и «Владетеля Баллантрэ», ни, возможно, даже о пиктах.

Я начинал это сочинение как цикл заметок, посвящённых скорее истории одного литературного сюжета и его жизни в русской поэтической традиции, причём в откровенно шутливом ракурсе. Однако постепенно он, с одной стороны, оброс некоторыми историческими подробностями. А с другой, в первоначальной шутке оказалась лишь доля шутки, причём относительно небольшая. И в результате образовалась вторая редакция этой новеллы, уже в виде единого текста. А за ней последовала и третья, существенно дополненная.

Ныне вниманию читателя предлагается четвёртая (и последняя) редакция новеллы о пиктах, их «звере» и их эле, изрядно переработанная по сравнению со всеми предшествующими.

В соответствие с заглавием, новелла распадается на три частей. Первая часть представляет собой попытку выяснить, кто же такие пикты. В части второй рассматривается вопрос о религии пиктов и роли в ней «пиктского зверя». Она лавно переходит в часть третью, раскрывающую тему «верескового эля». А вот история сюжета о пиктах и их эле в литературе вообще и в русской литературной традиции в особенности, которая когда-то казалась мне главной, попала в Приложения — там ей самое место.

Предисловие

Тема пиктов интересовала меня очень давно — наверное, с первого прочтения известной баллады Роберта Луиса Стивенсона в переводе не менее известного Самуил Яковлевича Маршака. Тем более, что время от времени она косвенно всплывала в ряде обсуждений на литературных форумах. Однако изложить свои соображения по этому вопросу — руки не доходили.

Толчком же к претворению намерений в действительность послужило обсуждение на одном из литературных форумов, посвящённое стихотворным переводам вообще. Которое, разумеется, не обошлось без упоминания имени Маршака. Как ни относиться к его переводческой деятельности с позиций высокой поэтики и идеологии, моё поколение (как и более старшее) признательно Самуил Яковлевичу за то, что при его посредстве мы узнали имена малоизвестных (в нашей стране) поэтов и ознакомились с их творчеством, пусть и своеобразно преломлённым.

В частности, я до сих пор сохранил чувство благодарности Маршаку за перевод баллады Стивенсона — в оригинале я её не прочёл бы никогда, а о других переводах в то время нечего не знал (да и знать тогда было особенно нечего).

Однако, начиная с самого первого, ещё в далёком детстве, прочтения «Верескового мёда», меня смущали некоторые несообразности русского текста. Ну не мог я себе

представить, чтобы старина Лу, знаток и любитель истории Шотландии, написал про «малюток-медоваров» и «бедных пиктов». Ибо прекрасно знал шотландские легенды, где они предстают в качестве головорезов, наводивших ужас на соседей, тоже не отличавшихся излишней кротостью.

Много лет спустя, уже ознакомившись как с оригиналом (в меру своего не блестящего знания английского), так и с более иными переводами, я понял, что перевод Маршака — это действительно памятник советского времени: вариация сказа про Стариша-Кибальчиша и его Великую Антиалкогольную тайну. Стивенсон же написал очень мрачную балладу, пронизанную духом варварской эпохи. Но от этого сюжет её не становился менее загадочным. Потому что в конечном счёте упирался в вопрос о том, кто же такие они были — пикты. А ответ на него требовал обращения к источникам.

Обзор источников

О пиктах в Интернете написано немало — причём не только на языке Роберта Бёрнса и сэра Вальтера Скотта, но и словами от родных осин. Запрос по поводу пиктов к любому поисковику соберёт богатый урожай ссылок на русскоязычные материалы, в котором процент формально релевантных зёрен будет неожиданно большим относительно откровенно «левых» плевел. Однако, если внимательно в них вчитаться, выясняется, что, за редким исключением, эти относительно релевантные материалы делятся на три половиной части.

Первая часть — это страницы исторического или квази-исторического содержания, в большинстве своём пересказывающие, с одной стороны, расхожие представления о них как о докельтских обитателях Шотландии, а с другой — просто друг друга. Причём так, что докопаться до первоисточника обычно крайне трудно (хотя и не сказать, чтобы совсем невозможно).

Во второй части пикты выступают в качестве персонажей литературных произведений — эта традиция повелась с лёгкой руки Роберта Говарда и продолжателей его дела. Творчество Говарда, безусловно, очень интересно само по себе. Вот только его пикты, наследники древней Лемурии, не имеют ни малейшего отношения ни к историческим пиктам, ни даже пиктам легендарным.

Третья часть — это уже совсем явная псевдонаука, представленная «трудами» атлантологов, уфологов и лошадиных барышников, о которых и говорить-то стыдно.

Наконец, в Сети можно найти и настоящие исторические работы, посвящённые теме пиктов, и даже некоторые первоисточники — это и есть та самая половина от любой из остальных третей. Но большая их часть во время сочинения первой версии этого текста была представлена сканированными книгами и статьями, часто выложенными *as is*, без распознавания текста, в форматах PDF или DjVu. Ныне положение несколько исправилось, и ряд сугубо научных материалов по теме доступен в нормально распознанном виде.

Так что к обзору печатных источников информации о пиктах я и перехожу — в том порядке, к котором с ними когда-то знакомился. И начать надо вот с этой книги:

Зверева Г.И. История Шотландии. Учеб. пособие для вузов по спец. «История». — М.: Высшая школа, 1987.

– 208 с. (Библиотека историка).

Говорить об этой книге подробно не буду, потому что глава I, имеющая отношение к эпохе пиктов, целиком [размещена здесь](#). Потому только, что долгое время она была единственным русскоязычным источником сведений о Средневековой Шотландии.

Ныне книга Зверевой — не единственный отечественный труд, специально посвящённый истории Шотландии, к ней присоединилось такое сочинение:

Федосов Д.Г. Рождённая в битвах. Шотландия до конца XIV века. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Издательство Евразия, ИД Клио, Москва, Санкт-Петербург, 2014. 352 стр.

Эта книга интересна тем, что в ней говорится не об истории Шотландии вообще, а конкретно о её средневековой истории. Правда, основное внимание автор уделяет сложению Шотландского государства и его борьбе с английскими поработителями. Однако и для пиктов, их современников и соседей (бриттов, скоттов, англосаксов, скандинавов) у него находится по десятку-другому страниц.

Следующей надо назвать вот эту монографию:

Калыгин В. П., Королев А. А. Введение в кельтскую филологию. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2006. — 272 с. (1-е издание — ещё советских времён).

Тема книги очевидна из её названия, так что проблема языка пиктов затрагивается в ней с позиций их взаимоотношения с языками кельтскими. Самое важное в рамках нашей темы — однозначное определение языка исторических пиктов как одного из кельтских.

Теперь переходим к переводной литературе. Для начала:

Агнес Мак-Кензи. Кельтская Шотландия . Перевод, научная ред., вступит. статья С.В. Иванова. М., Вече, 2008. — 336 с.

Книга очень интересная, содержит массу подробностей, мало известных отечественному читателю. Однако применительно к нашей теме следует учитывать несколько обстоятельств. Во-первых и, пожалуй, главных, автор, будучи патриотом своей страны, интересуется в первую очередь становлением Шотландского государства. Пикты же упоминаются в книге лишь постольку, поскольку они имели отношение к этому процессу. А так как отношение это было в основном негативным, то Агнес по возможности старается упоминать их пореже.

Во-вторых, автор, будучи, как следует из текста её книги, глубоко религиозна, под становлением Шотландского государства понимает в первую очередь приобщение жителей его будущей территории к ценностям христианской религии. В связи с этим деятельность ирландских и затем англских миссионеров в землях пиктов описана гораздо подробнее, чем события из истории пиктов. И это не объясняется состоянием источников: и то, и другое в них освещено крайне слабо, и потому миссионерская деятельность описана не менее гадательно, чем могла бы быть очерчена военно-политическая история пиктов.

В-третьих, книга была написана в 30-х годах, год издания оригинала — 1938-й. И в ней просто не могли найти отражение, скажем, археологические данные, полученные позднее.

Если из предыдущих книг сведения о пиктах приходится выбирать буквально по

крупницам, то в следующей книге нашей подборки они играют главную роль:

Изабель Хендерсон. Пикты. Таинственные воины древней Шотландии. Переводчик: Нина Чехонадская. М.: Центрполиграф, 2004 — 224 с.

В ней история страны проживания пиктов, то есть Шотландии вообще, рассматривается в исторической перспективе, с древнейших времён до последнего упоминания имени этого народа. Подробно описаны археологические материалы допиктского времени, и той эпохи, когда пикты уже фиксируются историческими источниками. Правда, и здесь они — не самые современные, ибо оригинал этой книги (Henderson, Isabel, The Picts) издан в Лондоне в 1967 году. Тем не менее, внимательное чтение этой книги камня на камне не оставляет от любых чисто фантастических гипотез происхождения пиктов. И заставляет с большой дозой скептицизма относиться к гипотезам научно-фантастическим.

С книгой про пиктов мне удалось познакомиться после того, как первая редакция настоящего сочинения была уже написана. И был весьма удивлён тем, насколько моя реконструкция их происхождения и ранней истории, основанная на крупницах фактов их упомянутых выше «Истории Шотландии» и «Введения в кельтскую филологию», сведениях о ранней истории и этногеографии Шотландии, дошедших до нас благодаря Тациту и Птолемею, но в первую очередь на элементарной логике, оказалась близка к той, что описана Изабел. Что в очередной раз заставило вспомнить слова академика Блохинцева: «Фактов всегда

достаточно — не хватает фантазии.»

И ещё один интересный материал удалось обнаружить в ходе подготовки второй редакции настоящего сочинения:

Alexander Wallace. The heather in lore, lyric and lay. A. T. De La Mare ptg. and pub. co., ltd., 1903.

Разумеется, читал я это не в первоиздании, а в [сетевой его публикации](#). И, конечно же, на английском — сделать русский перевод руки у меня так и не дошли, да и квалификации не хватило. Так что в двух словах: здесь описываются обе стороны интересовавшей меня темы — и последние по времени упоминания имени пиктов (а это чуть ли не XV век), и возможные рецепты «верескового эля».

В заключение обзора источников — о книгах, которые прямого отношения к проблеме пиктов, казалось бы, не имеют. Однако в них показан тот исторический фон, без которого эту проблему обсуждать затруднительно. Так что:

Г.С. Лебедев. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., Евразия, 2005, 640 с.

М.Б.Щукин. На рубеже эр. СПб., Фарн, 1994, 324 с.

М.Б.Щукин. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). Филологический факультет СПбУ, 2005, 576 с.

Отмазки

Все рассмотренные в прошлом разделе материалы, хотя и были изданы на «бумаге», доступны в Сети. Конкретных ссылок почти не привожу, ибо это противоречит общепринятому правилу — ссылаться по возможности на первоисточники. В отношении же сетевых материалов (и не только в данном случае) докопаться до них невозможно: кем-то отсканированные и выложенные в открытый доступ книги с тех пор кочуют с ресурса на ресурс. И далеко не всегда эти ресурсы — Сайты Для Людей, очень многие являют собой типичные ГовноСайты. А поощрять ГовноСайтоСтроителей в мои задачи никаким образом не входит. Так что в тексте есть буквально единичные ссылки на ресурсы, про которые я точно знаю, что они — авторские

Так что желающим ознакомиться с большей частью источников придётся прибегнуть к услугам Гоши, Яши или даже Дуси (под последним я подразумеваю DuckDuckGo, ну а первые два всем ведомы).

Я изложил свои представления о том, кем были пикты, и что представлял собой изготавливаемый ими напиток, основываясь на указанных выше источниках, но в первую очередь, как уже говорил, на логике исключения и косвенных свидетельствах — тех самых, которым посвятил свою работу Алан Хокарт, которую [можно найти](#) в Библиотеке Блогосайта.

Мне эти соображения представляются достаточно весомыми. Но, поскольку логика у всех своя, никого и ни в чём я убеждать не собираюсь. Однако возражения, основанные на вековых стереотипах о таинственных докельтских жителях Британии, будут отвергаться на корню. Ибо высказаны они так давно, что никто уже не помнит об их полной бездоказательности.

И наконец, подчеркну: автор не писал ни исторического романа, ни исторической монографии, ни, упаси Ахурамазда, какой-то своей альтернативной истории. Это скорее историко-литературная новелла. Кроме того, прошу не забывать, что родилась она в своё время как шутка — и некоторую долю шутки сохранила и в современном виде. Любителям смайликов просьба расставлять их по своему усмотрению.

Об именах

Отдельная отмазка касается написания имён. И в перечисленных выше источниках, и далее в тексте имён содержится много, преимущественно кельтских — как будет видно из дальнейшего, «исторические» пикты говорили на одном из кельтских языков и носили кельтские имена. И внимательный читатель обратит внимание, что часто одно и то же имя пишется по-разному.

Это — объективная реальность, данная нам в ощущениях средневековых хронистов, которые могли быть этническими скоттами или бриттами, языки которых хоть и родственные, всё-таки различались. А могли быть и англосаксами, говорившими на так называемом древнеанглийском языке, искажая тем самым исконно кельтские имена. Кроме того, единственный памятник пиктской литературы — перечень королей Пиктавии, в котором даются пиктские варианты тех же имён, также отличающиеся от гаэльских или бриттских.

На эту объективную картину накладываются субъективные факторы. Ряд кельтских имён относится к числу употребляемых в англоязычных странах и поныне. А потому современные исследователи помянутых стран часто пишут их в современном произношении. А если на это наложить особенности национального (то есть русского) перевода — можно только удивляться, как это имена остаются узнаваемыми. Хотя подчас требуется некоторое время на то, чтобы смекнуть: некто Киниод — ни кто иной, как Кеннет, первый король объединённой Шотландии.

Поэтому в данной книжке я старался придерживаться некоторого единообразия в написании кельтских имён. И следовал тем их формам, которые используются в русском переводе книги Изабель Хендерсон (см. Обзор источников). Не потому, что так лучше (понятия «лучше» и «хуже» в этом вопросе не применимы). Просто эта книга содержит наиболее полную информацию, касающуюся пиктов (из числа русскоязычных изданий, разумеется), и, соответственно, наибольшее количество имён. Так что проще всего — следовать этой книге.

О королях и принцессах

Прежде чем перейти собственно к истории, в которой будут в изобилии фигурировать короли и принцессы, сделаю маленькое отступление о терминологии. На необходимость его мне в обсуждении первой редакции этой новеллы (на ныне несуществующем форуме) справедливо указал Андрей Кротков. И потому процитирую один из его комментариев:

Вот ещё отдельный вопрос из разряда терминологических, которому можно посвятить отдельную заметку. Имею в виду стандартные термины «король» и «королевство», заимствованные из средневековых хроник и по инерции употребляемые сейчас. Если быть точным — то речь идёт о племенных протогосударствах и вожествах, но никоим образом не о «королях» и «королевствах» в том значении, которое эти термины приобрели позже, в эпоху сложения абсолютизма.

Замечание совершенно справедливое: любой ныне употребляемый термин типа король, князь, принц etc., в контексте рассматриваемой эпохи будет анахронизмом. Причём ничуть не меньшим, чем президент или глава государства.

Действительно, мы имеем дело не с современными конституционными монархами вроде королевы Елизаветы. И не с монархами эпохи абсолютизма, типа Тюдоров или Стюартов. И даже не с королями времён Высокого Средневековья, с его устоявшимися династическими традициями, регламентированной системой податей и воинских повинностей.

Нет, перед нами, как говорит Андрей Кротков –

Вожди-паханы («короли»), кочующие с одного погоста на другой по подведомственной территории («королевству»), которая нередко не имела даже официального центра

И власть их держится не на династической традиции (скоро мы увидим, какой неопределённой она была), не на миропомазании или конституции. А исключительно на личном авторитете. А главное — на способности этот авторитет завоевать. Но ещё главнее — постоянно его поддерживать. Причём любыми силами — от воинских и сакральных до силы убеждения. Да-да, в ту дикую и беззаконную эпоху были правители, предпочитавшие действовать не силой или запудриванием мозгов, а убеждением. Такими были, например, Хакон Добрый в Норвегии и Бриан Боройме в Ирландии. Впрочем, это уже несколько более поздняя эпоха.

Из современных терминов разве что вождь народов в данной обстановке подошёл бы по смыслу. И это не так анахронистично, как кажется. И уж тем более не смешно. Например, одно из именовании правителей в Ирландии — *ri tuatha*, что дословно именно так и переводится.

Однако от этого термина я категорически отказался. Во-первых, ввиду его избитости и беспорядочности употребления в русскоязычной литературе. А во-вторых, памятуя вопрос одного маленького мальчика:

Мама, а почему у всех людей президенты, а только у нас и у дикарей вожди?

Так что, казалось бы, лучше прибегнуть к аутентичным эпохе именованиям правителей. Благо, недостатка в них не было. Это:

- рексы и дуксы на обломках Римской империи, в том числе и в Британии — легендарному (или мифическому?) королю Артуру приписывается титул *dux bellorum*;
- многочисленные «вожди народов» Ирландии, иерархически надстраиваемые верховными «вождями» (*ruirii*) и «вождями» верховных «вождей» (*rí ruirech*);
- кёниги англов, саксов и ютов в той части Британии, которая была захвачена соответствующими племенами;
- конунги норвежцев и данов, с которыми перечисленным персонажам нашего повествования вскоре придётся столкнуться.

Однако все они имели разное значение в разных краях и в разное время. А как назывались правители наших главных героев (или главных злодеев?), то есть пиктов, вообще никому не ведомо.

Поэтому я и решил в титулатуре остановиться на королях, принцах и принцессах применительно к правителям всех народов и областей, о которых идёт речь. Во-первых, потому что на Руси Научной издревле повелось — всех, кто на Западе правит, королями величать (также как тех, что на Востоке — ханами). А во-вторых...

...вся кельтско-пиктская история пронизана древними мифами и древней мистикой, переходящей в волшебную сказку. Пронизана настолько, что заражает всех, кто с ней соприкасается. Это первое впечатление, когда читаешь не только средневековых хронистов или поэтов — им-то простительно, но и современных, вполне трезвомыслящих историков. Причём — вне зависимости от их происхождения: нatively русскоязычных авторов это поветрие затрагивает не меньше, чем ирландских или шотландских.

И в этот контекст замечательно вписываются короли с королевами, принцы с принцессами — такие, каких мы помним по детским сказкам. И как таковых я и предлагаю их воспринимать. Не забывая, конечно, во-первых, что

*...мы-то ушлые потомки,
Больше знаем, глубже бурим*

Тимур Шаов

В том числе во всяких социологиях, экономиках и прочих материях, заставляющих нас отдавать отчёт в условности терминологии,
А во-вторых, о том, что некогда это были всё-таки живые люди и исторические лица, а не сказочные персонажи...

Благодарности

Под занавес вводной части затрону более приятную тему — о благодарностях. Тема пиктов и их эля немало обсуждалась на литературном портале [Ingenia](#) и на прекратившем своё существование форуме POSIX.ru. И я признателен всем, принявшим участие в этих разговорах.

Отдельно выражаю признательность Алисе Деевой, с которой мы немало говорили о поэтических переводах и вообще о мастерстве стихосложения. Точнее, в этих разговорах я выступал в роли слушателя, ибо ни переводить, ни стихослагать не умею.

А самая большая благодарность — постоянному участнику указанных форумов (и автору Блогосайта) Андрею Кроткову. Во-первых, за внимание к моему сочинению в процессе создания его первой редакции, постоянные комментарии «по делу» и указания на мои ошибки. А во-вторых и главных — за прекрасный перевод «Верескового эля», который приведён в Приложении.

О пиктах

Итак, первая из субтем темы главной — кем же были пикты?

Кем могли быть пикты?

Кем были исторические пикты? Потомственные головорезы и грабители,

опустошавшие своими набегами будущие Шотландию и Англию с момента своего появления на исторической арене. И об этой стороне вопроса известно гораздо больше, чем об их происхождении.

Потому что происхождение их действительно более чем туманное. Существуют не особенно обоснованные гипотезы, вплоть до полностью фантастических, о том, что они являли собой коренное, докельтское, население Британии, и были прямыми потомками строителей мегалитов. Есть соображения о их близком родстве с иберами Пиренейского полуострова. Что, впрочем, мало чему помогает, потому что кем были иберы — известно ничуть не более. Наконец, существует мнение о родстве пиктов с басками (последних ни в коем случае нельзя отождествлять с иберами, но это совсем другая история).

Так что на каком языке говорили пикты изначально — можно только догадываться. Сохранилось несколько десятков приписываемых им надписей, выполненных или огамическим кельтским письмом, или искажённой латиницей. Так что прочесть их по буквам более-менее можно. А вот понять — ни в какую. Обычно это считается показателем того, что язык пиктов не имел ничего общего с кельтскими.

Но возможен и другой вариант: что пиктские надписи не имели ничего общего с надписями. То есть, заимствовав форму литер, пикты использовали их исключительно в магических целях, не вкладывая в них того, что мы называем смысловой нагрузкой.

Это не так уж невероятно, и примеры такие известны. Например, многие скандинавские и особенно раннегерманские рунические надписи ныне совершенно не понятны. Не потому, что неизвестен их язык, или они плохо сохранились. А потому что изначально представляли собой набор сакральных символов, а не средство передачи какого-либо рационального контента. Кроме того, непонятность таких «надписей» могла идти и от банальной неграмотности их «авторов» — неграмотности в современном смысле.

Такой случай описан в «Саге об Эгиле». Некий юноша подложил некоей девушке руническую надпись привораживающего свойства. Но по причине некомпетентности в вопросе вместо любовного приворота у него получился сглаз, вызывающий болезнь. В

данной ситуации Эгиль Скаллаgrimссон, будучи скальдом и знатоком рунического искусства, выявил ошибку, после чего сказал вису:

*Рун не должен резать
Тот, кто в них не смыслит.
В непонятных знаках
Всякий может сбиться.
Десять знаков тайных
Я прочёл и знаю,
Что они причина
Хвори этой долгой.*

То есть гуру рунического мастерства (и разного прочего, в том числе воинского — это были вещи тесно связанные) легко выявил полного ламера и самозванца. Но ведь такие гуры на каждом шагу не встречались, и на самом деле «искусство» дураковаления под видом создания надписей было, видимо, достаточно распространено.

Отступление: кстати, если вы попробуете поискать, скажем, в Яндексе пару строк из указанной висы, в топе выдачи получите как раз «труды» современных «рунознатцев»...

Так что вполне возможно, что речь пиктов была близко родственной диалектам кельтов Британских островов, которые тоже были отнюдь не одинаковы, разделяясь на две ветви: Р-ветвь (языки собственно бриттов, валлийцев, корнуоллцев) и Q-ветвь (языки племён Ирландии, затем острова Мэн и Шотландии).

Язык «исторических» пиктов, судя по сохранившимся именам и отдельным словам, был безусловно кельтским и принадлежал к Р-ветви. Достоверно известно, что в период

существования пиктского королевства (VI–IX вв.) его правители легко находили общий язык со своими коллегами из королевств бриттов и скоттов, а также миссионерами: ни Ниниан, ни Колумбе для проповедования христианства не приходилось учить како-то иной язык.

То, что ранее пикты могли говорить на каком-то доиндоевропейском языке — не предположение даже, а чистое гадание: до появления имени пиктов в исторических источниках Шотландия была населена бриттами. Да и вообще кельты появляются на Британских островах самое позднее во время существования гальштатской культуры (900–400 гг. до н.э.). А предшественниками их были носители культур полей погребальных урн (1300–750 гг. до н.э.) и атлантической бронзы (1300–700 гг. до н.э.): первые — индоевропейцы достоверно, вторые — с большой степенью вероятности. Ни для каких реликтовых доиндоевропейских народов, к которым можно было бы возвести «доисторических» пиктов, места не остаётся ни в пространстве, ни во времени.

Казалось бы, при определении происхождения пиктов можно опереться на их физический тип, тем более, что в собственно кельтских источниках он предстаёт очень своеобразным. Пикты описываются как черноволосые, низкорослые, коренастые люди очень большой силы, с очень длинными руками. Знаменитый Роб Рой, возводивший свой род к пиктам, хвастался тем, что мог затянуть завязки своих гетр, не сгибая спины.

Возникает большое искушение счесть пиктов последним реликтом европейских неандертальцев или неандертальско-кроманьонских гибридов. Тем более, что, как показывают данные палеогенетики последних лет, такая гибридизация таки была возможна и, видимо, происходила (подробности можно найти в материалах портала Антропогенез.RU).

Однако и тут беда: никаких ископаемых останков неандертальцев (или «неандерталоидов»), относящихся к историческому времени, в землях пиктов до сих пор не обнаружено. Как, впрочем, и ни в каких других землях, и не только в историческое время, но даже в верхнепалеолитическое.

Конечно, в случае археологии и антропологии отрицательный результат — это, как правило, не совсем результат (а часто и совсем не результат). Но ведь просто останки людей на памятниках, связываемых, более или менее обоснованно, с пиктами, находили — и никаких неандерталоидных черт в них не фиксируется.

Косвенным свидетельством существования какого-то отличного от кельтского антропологического типа является глухое упоминание о находке в Ирландии (области обитания круитни, сопоставляемых с пиктами, о чём будет сказано далее) скелета верхнепалеолитического или мезолитического возраста, обнаруживающего «эскимосские» черты. А эскимосский (или арктический) тип при некоторой фантазии можно счесть похожим на пиктский.

Докопаться до первоисточника информации об ирландских «эскимосах» мне так и не удалось. Но, исходя из общих соображений, эти останки (если они действительно имели место быть) можно отнести скорее к шенселлядскому типу древних обитателей Европы — современников кроманьонцев. Иногда «шенселлядцам» приписывается создание солютрейской культуры верхнего палеолита. Впрочем, абсолютно умозрительно.

В общем, и неандертальскую, и «шенселлядскую» гипотезы происхождения пиктов, не смотря на её завлекательность (или — как раз вследствие завлекательности) оставим грядущим последователям Роберта Говарда. А пока, в следующем разделе, попробуем поглядеть, где впервые пикты были засвидетельствованы историческими источниками.

Где жили пикты?

Традиционно считается, что некогда пикты заселяли всю ту страну, которая ныне называется Шотландией — как минимум от залива Фёрт-оф-Форт (а то и от границы Нортумбрии) до самой северной оконечности. Близлежащие острова — Гебридские и Оркнейские, а иногда и Шетландские, — также включаются в зону первоначального расселения пиктов. Правда, о помещении их на Фареры сведений мне не попадалось.

Такой ареал расселения пиктов обосновывается тем, что по всей указанной

территории местами встречаются географические названия с непонятной этимологией. Каковые и считаются пиктскими. Поскольку, как говорилось в предыдущем разделе, на каком языке говорили пикты, мы не знаем, опровергнуть такой довод невозможно. Как, впрочем, и считать его доказательством чего бы то ни было — географические названия с непонятной этимологией встречаются и в Ближнем Подмосковье.

Правда, есть и прямые письменные свидетельства присутствия пиктов на самом севере Шотландии, вплоть до Кейтнесса, а также на Гебридах, Оркнейских и Шетлендских островах. Однако нигде не сказано, что они составляли население этих краёв. Напротив, все упоминания их здесь связаны с более или менее регулярными военными походами пиктов, начиная со времён первого короля объединённой Пиктавии, Бриде, сына Маэлкона.

Далее, некоторые исследователи полагают, что пикты жили и в Ирландии, по крайней мере в северной её части. Ирландские источники отмечают там некий народ круитни. Кто они — не ведомо. И вообще о них известно только то, что они долгое время воевали с уладами за гегемонию в Ольстере — вследствие чего ныне некоторые полагают их первыми северо-ирландскими сепаратистами (любители поискать тех, кто ещё встарь за советскую власть стояли, есть, оказывается, не только у нас).

В конце концов круитни потерпели поражение и были ассимилированы — в частности, некоторые современные исследователи приписывают великому ирландскому эпическому герою Кухуллину происхождение от круитни, впрочем, без особых на то оснований. Правда, при этом они успели дать одну из династий королевства Дал Риادا — речь о нём ещё впереди.

Ирландские источники именем круитни называли пиктов Шотландии — собственно, только на этом и основывается представление о том, что круитни были ветвью последних. Само по себе перенесение имени близко проживающего народа на дальний — штука обычная. А в данном случае она, как мы со временем увидим, имела некоторое косвенное основание. Впрочем, к проблеме расселения пиктов ни малейшего отношения не имеющее.

Кроме того, некоторые современные исследователи считают возможным рассматривать вопрос о пиктском происхождении таких ирландских народов, как соганы и сенхинолы — но о них известно ещё меньше, чем о круитни.

Как бы то ни было, во всех областях, где источниками фиксируется проживание поминаемых народов, археологически никаких отличных от кельтских памятников не обнаруживается. И тем более памятников, которые можно сопоставить с пиктскими. В частности и потому, что, за редким исключением, достоверно не известно, какие памятники в Шотландии точно принадлежали пиктам.

Таким образом, никаких оснований говорить о повсеместном присутствии пиктов в Шотландии и тем более Ирландии нет. Ещё меньше поводов считать их докельтским субстратом этих областей.

Исторически засвидетельствованное (правда, уже довольно поздно, накануне конца его существования) королевство пиктов занимало достаточно ограниченную территорию в сегменте между заливами Мори-Фёрт на севере и Фёрт-оф-Форт на юге — примерно две его северо-восточные трети. Позднее, уже во времена объединённого королевства скоттов и пиктов, эта область называлась Морэй, и правили ею мореморы, могуществом своим почти равные королям. А некоторые, как Макбет, известный, королями становившиеся — на законных, заметьте, основаниях, чтобы ни врал по этому поводу Билл Шакспер (или тот, кто выступал в драматургии под именем Шекспира). Но это — тема совсем другой истории.

На западе королевство пиктов граничило с гаэльским королевством Дал Риада, на юго-западе — с бриттским королевством Стратклайд, и на юге — с владениями англов в Нортумбрии.

Кто проживал на самом севере Шотландии, и чьи владения там находились — существуют противоречивые сведения. Но, поскольку жители тех мест активно не участвовали в интересующих нас событиях — по крайней мере, как организованная военно-политическая сила, — с этим пробелом в знаниях мы смиримся.

Предполагается, что на раннем этапе своего существования было несколько

независимых пиктских королевств — от двух до шести. Впрочем, по имени уверенно называется только Фортиу. Но уже к середине 6-го века фиксируется единое королевство пиктов с первым более-менее историческим королём — Бриде, сыном Маэлкона. Впрочем, здесь у нас кончается география и начинается история, которая будет предметом рассмотрения в следующих разделах.

Когда жили пикты?

Теперь, разобравшись с вопросом «где?», попробуем так ответить на вопрос «когда?». То есть в какое время появляются пикты на землях своего будущего королевства, и что они по своему появлению делают. Может быть, это даст нам косвенные данные для решения вопроса, кем они были.

Принято считать, что впервые пикты фигурируют в знаменитой «Географии» Птолемея и на составленной им карте всего мира, известного древнеримским грекам (и древнегреческим римлянам). Время его жизни очень предположительно определяется в интервале восьмидесятые — сто шестидесятые года н.э.: достоверных сведений о его жизни практически не сохранилось.

Тем более, не известно, когда он написал свою Географию, и к какому времени относятся сведения о перечисляемых им народах. По косвенным данным (в частности, относящимся к среднеазиатским кочевникам) можно заключить, что на карте Птолемея аккумулированы сведения о народах, время существования которых разделяется подчас парой-тройкой веков.

То есть, строго говоря, к какому времени относятся сведения, донесённые до нас Птолемеем, не вполне ясно. Но это не самое главное. Важнее, что народ пикты как таковой у него не упоминается вообще. А фигурируют у него на территории, где позднее фиксируются пикты (будем условно считать, что это Шотландия) каледонии, давшие имя стране, и ещё три племени, о которых больше ничего не известно.

А вот сведения Тацита можно датировать вполне точно: они восходят к трём британским походам его тестя Агриколы, проходившим в 70-х и 80-х годах. И дошли до нас в биографии последнего («De vita et moribus Iulii Agricolae»), написанной в

последние годы I века нашей эры. Население будущей Шотландии Тацит называет обобщённо — каледонцами, без разделения на племена. Причём, не смотря на попытку связать их с германцами (основанную только на высокорослости и светловолосости), никакой грани между ними и остальными бриттами он не проводит, возводя и тех, и других к галлам континента:

Взвесив все это, можно считать вероятным, что в целом именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров. Из-за приверженности к тем же религиозным верованиям здесь можно увидеть такие же священнодействия, как у галлов; да и языки тех и других мало чем отличаются...

Тацит, Жизнеописание Юлия Агриколы

Предвижу возражение: для римлян что галлы, что бритты, что пикты были просто недифференцированными варварами. Это не так. Во-первых, сам Агрикола совершил три похода в Британию, во время которых как воевал со всеми населяющими её жителями, так и вступал с ними в нечто вроде дипломатических отношений. То есть он-то должен был различать своих противников из чисто практических соображений.

Во-вторых, в I веке нашей эры в римских вспомогательных частях служило немало кельтов, в том числе и офицеров, не лишённых некоторого образования. А они, не смотря на романизацию, сохраняли чувство кельтского самосознания ещё века спустя. И, уж наверное, могли отличить своих родственников, пусть и не очень близких, от тех неведомых дикарей, какими пикты предстанут через несколько веков.

В-третьих, сам Корнелий Тацит был своего рода экспертом по делам народов к северу от Limes'a, и с деталями этногеографии тех мест был хорошо знаком по долгу службы. Что потом продемонстрировал в своём труде «Германия» («О происхождении, расположении, нравах и населении Германии» — «De origine, situ, moribus ac populis

Germanorum»). И современные историки и археологи смогли продемонстрировать своими исследованиями степень информированности Тацита в этом вопросе, которую долго ставили под сомнение.

Далее, вплоть до III века включительно, в римских источниках фигурируют те же каледонии и ряд более иных племён, с той или иной степенью вероятности выводимых из упомянутых Птолемеем.

И вот где-то на рубеже III и IV веков на арену истории выходят пикты. И как выходят — как банда головорезов, поражавших своей свирепостью все окрестные народы. Включая и коллег по бандитскому ремеслу — скоттов, англо-саксов и франков, каковые сами не отличались ангельским характером. Грабительские их рейды охватили практически всю Британию: в 367 году они вместе с упомянутыми братишками дошли до Лондона.

Причём, судя источникам, это были именно грабительские налёты — никаких захватнических или переселенческих целей они не преследовали. И продолжались они на протяжении веков: христианизация пиктов в 6-м веке ничего не изменила. А произошедшее примерно в то же время объединение пиктских королевств под единой властью короля Бриде только стимулировало их активность.

Кульминацией таковой стала битва при Нехтансмере (685 год), в которой пикты истребили армию англов Нортумбрии вместе её королём Эркфритом. Битва эта произошла внутри пиктской территории, почему нынче подчас пишут, что это было нечто вроде освободительной борьбы пиктского народа против англо-саксонских захватчиков. Но на деле это не более чем столкновение двух банд. Хотя характер их деятельности и различался.

Англо-саксы действительно вели войны с целью захвата земель для расселения. На которых они оседали и со временем переходили к мирной жизни — насколько она была возможно в то не очень мирное время. Пикты же, как говорилось выше, никаких экспансионистских целей не преследовали.

Похоже, что даже «война как средство производства», то есть с целью банального

грабежа, пиктов не очень интересовала. Так, в землях современных им германцев или позднее скандинавов эпохи викингов археологически фиксируется множество предметов южного происхождения, которые никак не могли быть предметом торговли, вплоть до епископских посохов — они явно были военной добычей. В будущем же королевстве пиктов следы их походов всебританского масштаба археологами практически не улавливаются. Впечатление такое, что пикты «дрались, потому что дрались» — из энтузиазма и любви к чистому искусству. А все ценности, которые могли бы захватить, подвергали разрушению. Запомним этот факт — позднее он получит своё место в общей картине генезиса пиктов.

При этом ни малейшей склонности к замирению пикты долго не проявляли. Хотя со временем их бандитская деятельность стабилизировалась — но исключительно за счёт ряда внешних факторов.

Во-первых, англы, не смотря на разгром при Нехтансмере, удержали Нортумбрию, и сохранили достаточно сил для охраны её границ.

Во-вторых, бандитизм пиктов достал бриттов северо-запада Англии, и они консолидировались вокруг королевства Стратклайд.

В-третьих, и в исторической перспективе главных, на юго-западе от земель пиктов широко развивалась экспансия скоттов, выходцев из королевства Дал Риادا на севере Ирландии, того самого, одна из династий которого вела своё происхождение от круитни. Не в этом ли причина того, что позднее, когда Дал Риادا и королевство пиктов слились воедино, ирландские летописцы перенесли на последних это имя?

Впрочем, как было сказано ранее, есть и более банальное объяснение происхождения имени «круитни»: это просто закономерная передача бриттского «притены» (чей язык относится к Р-ветви кельтских), гаэлами, разговаривавшими на языке Q-ветки.

Как и англы, скотты не только воевали и грабили, но и расселялись. Причём в более южных районах, например, в Уэльсе, относительно мирно, находя точки соприкосновения с местными жителями. Но на западе Шотландии им пришлось повоевать изрядно. То есть причиной было скорее бескомпромиссность пиктов, чем

нежелание скоттов улаживать дела полюбовно. Однако земли будущего Аргайла и Галлоуэя они удержали, в результате чего королевство Дал Риада приобрело двухчастную структуру, располагаясь по обе стороны Ирландского моря.

И в итоге всех этих войн, грабежей и переселений к 8-му веку установился *status quo* между четырьмя королевствами — бриттским Стратклайдом, гаэльской (или, если угодно, скоттской) Дал Риадой, Нортумбрией англов и королевством пиктов. Конечно, между всеми этими государственными образованиями продолжались как пограничные столкновения, так и весьма масштабные войны. В которых пикты далеко не всегда выступали «страдальцами», в роли «аборигенов», подвергавшихся агрессии со стороны «понабежавших» чужеземных захватчиков. От которых героически отстаивали свою свободу.

Забегая вперёд: пикты и гаэлы

В частности, в истории взаимоотношений между королевством пиктов и гаэльской Даль Риадой чередуются описания блистательных побед пиктского оружия и их сокрушительных поражений от скоттов. Причём в целом воинское счастье, видимо, чаще оказывалось на стороне пиктов. Во всяком случае, большую часть своей истории Даль Риада находилась в каких-то отношениях зависимости от пиктских королей. А иногда короли пиктов оказывались одновременно и правителями скоттов. Такое совмещение ролей выпало на долю Энгуса, сына Фергуса (король Пиктавии в 729–761, правитель Даль Риады в 741–761), и Константина, сына Фергуса (возможно, потомка Энгуса, который правил первым королевством в 789–820, а вторым в 811–820).

Власть Константина над обоими королевствами унаследовал его брат Энгус II (годы правления 820–834). Однако в списках королей Даль Риады говорится, что его сын Эоганан (убит в 839) правил ею 13 лет. То есть его правление над скоттами началось в 826 году. Можно предполагать, что Энгус II «назначил королём» Даль Риады своего сына через несколько лет после того, как сам пришёл к власти.

Эоганану суждено было унаследовать от отца и королевство пиктов — редкий случай в пиктской практике. Правда, не сразу — в промежутке пару лет на престоле посидел его двоюродный брат Дрест, сын Константина, имея соправителем некоего Талоргена.

Их недолгое (834–836) правление было, видимо, столь счастливым, что, судя по датам, они умерли чуть ли не в один день.

Впрочем, и для Эоганана, вступившего на престол Пиктавии в 836 году, «недолго музыка играла». Начиная с конца VIII века, все Британские острова подвергались систематическим нападениям скандинавов (так называемых «викингов», которых на самом деле [не было](#)). Англосаксонские королевства были предметом вождения выходцев из Дании. А будущие норвежцы (страны Норвегии тогда ещё и в проекте не было, слово Nordweg означало вектор движения, причём в [северо-восточном направлении](#)) конкретно нацелились на земли будущих Ирландии и Шотландии.

Очень быстро норвежцы от отдельных, хотя и регулярных, набегов перешли к планомерному захвату территорий. Сначала островов — Шетландских, Оркнейских и Гебридских. А затем добрались до «матёрой земли» — таковой в локальном масштабе выступала Шотландия (Ирландия — тоже, но к нашему сюжету она имеет очень косвенное отношение). И в 839 году состоялось массированное вторжение норвежцев, в равной мере угрожавшее и Пиктавии, и Даль Риаде. Произошло сражение, в котором пикты и скотты потерпели сокрушительное поражение:

Язычники одержали победу над мужами Фортренна; при этом пали Эоганан, сын Энгуса, и Бран, сын Энгуса, и Аэд, сын Боанта, и другие — почти без числа

как пишет хронист. Однако до этого на протяжении ста лет, можно видеть явную гегемонию Пиктавии над Даль Риадой, вплоть до полного подчинения последней. Хотя какие-то короли Даль Риады существовали и под властью пиктов — одним из них был только что упомянутый Аэд, сын Боанта. И это продолжалось до короля Кеннета МакАльпина, объединителя обоих народов. Но — не силой оружия, а скорее вследствие причин династического характера. Хотя поначалу и повоевать ему тоже пришлось.

Дела семейные

Позапрошлый раздел мы закончили на моменте установления *status quo*. Которое, не исключая всякого рода приграничных грабежей и прочего безобразия, вплоть до масштабных войн, предполагает и некие мирные взаимоотношения, как сказали бы нынче, дипломатические. А главной формой дипломатических взаимоотношений в ту пору были династические браки между королями, принцами и принцессами (с оговоркой, высказанной в прошлом отступлении).

И такие браки действительно заключались. Неизвестно, выходили ли гаэльские, бриттские или англские принцессы замуж за пиктских королей и принцев — такие факты источники до нас не донесли как несущественные. А вот пиктских принцесс охотно брали в жёны во всех трёх окрестных королевствах.

Какие цели при этом преследовали пикты? Вероятно, те же, что ханы и беки тюркских кочевых племён, выдавая своих дочерей за правителей окрестных государств — то есть внедряя своих «агентов влияния», что хорошо видно на примере кыпчакско-хорезмийского симбиоза. Вспомним историю хорезмшаха Мухаммеда и его матери Туркан-хатун, дочери одного из кыпчакских предводителей, сыгравшей роковую для Хорезма роль в годы войны с монголами.

В отношении пиктов о деятельности такой «агентуры влияния» мы можем только догадываться. Впрочем, не совсем безосновательно. Как я уже говорил, большую часть времени существования шотландской Даль Риады она находилась в той или иной форме зависимости от королевства пиктов — и не всегда это было следствием военных поражений. Видимо, пиктские принцессы, привыкшие на родине к свободе и самостоятельности, могли гнуть свою линию и при дворах своих супругов.

А вот цели второй брачующейся стороны, то есть правителей окрестных королевств, просматриваются вполне определённо. Дело в том, что у пиктов утвердилось наследование королевской власти по материнской линии. Похоже, что это было не столько законом, сколько сложившейся практикой — это тоже узелок на память, который потребуется, когда дело дойдёт до реконструкции событий. Но, во всяком случае, в линии из примерно полусотни пиктских королей, правивших, согласно так

называемой «Пиктской хронике», памятнике предположительно 10-го века, с 5-го по середину 10-го века, факты наследования сыном королевского титула отца отмечается буквально считанные разы.

В королевствах же скоттов, бриттов и англов давно утвердилась патрилинейная традиция наследования власти — если не *de jure* (до юридического обоснования династического принципа было ещё далеко), то *de facto*. Так что для их правителей брак с пиктскими принцессами был реальной возможностью пристроить своих младших сыновей ко власти. И действительно, большинство пиктских королей были, с точки зрения «патрилинейных» соседей, гаэлами или бриттами по происхождению. А пиктская кровь текла в жилах всех династий севера Британии.

Матрилинейность передачи королевской власти у пиктов часто рассматривается наследие традиций докельтского населения. Каковые нашли своё выражение также в отмечаемом источниками свободном поведении женщин, в том числе и в сексуальном плане. Это считают подтверждением того, что пикты — таки потомки древних, доиндоевропейских, жителей Британии. Каковым, как примитивным «дикарям», по традиции приписываются (без всяких, заметим, оснований) пережитки матриархата. Однако, как мы увидим в следующем разделе, тому можно найти и иное объяснение.

Закат Пиктавии

Однако вернёмся к династической теме. Потому что, вопреки часто встречающимся мнениям, конец королевства пиктов был вызван именно династическими причинами: в один прекрасный день 842 (а возможно, 841 или 843) года королём гаэльской Даль Риады объявил себя некто Кеннет, сын Альпина и потомок (вероятно, внук) очередной пиктской принцессы. Что дало ему основание претендовать на власть в королевстве пиктов.

Дата воцарения Кеннета в Пиктавии вычисляется на основе года его смерти (858) и сообщения [Пиктской хроники](#) (составлена в конце X века, то есть относительно вскоре после описываемых событий), что

...Кеннет I, сын Алпина, самый выдающийся из скоттов, успешно правил Пиктией 16 лет

Правда, из [другой части](#) того же источника выясняется, что первоначально Кеннет был далеко не единственным претендентом на трон Пиктавии: различные списки «Хроники» называют от двух до пяти лиц, то ли называвших себя королями пиктов, то ли домогавшихся этого титула.

В более «длинном» списке дважды фигурирует имя Бриде — хронист явно рассматривает их как две разные персоны. Однако в таком случае они оказываются не только тёзками объединителя пиктов, но и полными тёзками между собой, ибо оба называются сыновьями Ферата. Так что это, скорее, одно и то же лицо, которое то усаживалось на трон Пиктавии, то прогонялось с него.

И вообще события последних лет существования Пиктавии представляются таким образом. 839 году в битве с норвежцами, вместе с королём Эоганан и его братом Браном, пали «лучшие из лучших» пиктов. И дорога к власти открылась для «лучших из худших», которые, в силу своей «худшести», тут же затеяли свергать друг друга. То есть, попросту, устроили междоусобицу. В которую и вписался Кеннет в качестве стороннего кандидата в президенты короли. И вписался настолько удачно, что за пять лет одолел прочих претендентов на шахматную пиктскую корону. Хотя возможно, что кое-кто из них перемочил друг друга в ходе этого увлекательнейшего гандикапа.

Одержав победы над прочими соискателями королевского титула, Кеннет не последовал примеру своих пиктских предшественников Энгуса и Константина. То есть не объявил себя королём Пиктавии, и не назначил таковым кого-либо из сыновей (возможно, потому, что ни один из них не был ещё достаточно взрослым). Он пошёл другим путём, реализовав нечто вроде унии двух королевств: вместе они получили имя Альба (как уточнил Андрей Кротков, в гаэльском произношении — Алава или Алапа, в

зависимости от диалекта). Заодно и столица была перенесена в центр Пиктавии, в Скон, подальше от морских побережий и, соответственно, от норвежских бандитов.

То есть не было никакого завоевания пиктов гаэлами. Оба народа составили население единого государства. Вопреки встречающимся в литературе (особенно советской) утверждениям, пикты в нём занимали отнюдь не приниженное положение. К пиктам возводили своё происхождение многие знатные рода Альбы, и об этом помнили ещё века спустя после исчезновения отдельного королевства. Так, пиктская линия фиксируется в генеалогии Макбета и его жены Груох — более того, именно она обусловила его права на престол, вопреки Шекспиру, куда более весомые, чем у убиенного им (очень не безвинно, причём в битве) короля Дункана. Впрочем, истинная, не шекспировская, история Макбета — благородного человека, бесстрашного бойца и мудрого правителя, представляет собой совсем отдельную тему.

Следовательно, не было и в помине никакого геноцида пиктов. Разумеется, немало приверженцев неудачливых претендентов навсегда сошло с дистанции. Как, вероятно, и все претенденты: испокон веку в Шотландии, как и на Руси, корону теряли вместе с головой. Однако «король Шотландский», сколь бы ни был безжалостен к врагам, не истреблял поголовно бедных пиктов на вересковом поле, не гнал их на край земли к скалистым берегам. Произошла самая обычная ассимиляция.

Язык пиктов, в то время уже стопроцентно кельтский, был достаточно быстро вытеснен родственным гаэльским. Вероятно, (в том числе и) потому, что пикты, изначально представляя собой «сборную солянку» из осколков различных племён, говорили на множестве диалектов, тогда как гаэлы сохраняли относительную гомогенность. Что облегчало его использование в качестве *lingua franca* при «межнациональном» общении.

А затем и само имя пиктов вышло из употребления — причём вместе с названием королевств Альба и тем более Даль Рида. Объединённое королевство стало именоваться Шотландией (Scotland), а жители его — шотландцами (Scots). Вне зависимости от того, были ли они потомками гаэлов Ирландии, бриттов Стартклайда или пиктов.

Всё это простительно было не знать Самуилу Яковлевичу. Но Стивенсон, который любил свой край и его историю, не знать этого не мог. Так откуда же он взял сюжет своей баллады? Неужели нагнетания ужасов для? Ведь в оригинале она звучит первобытно-жестоко и мрачно. Чтобы ответить на этот вопрос, придётся вернуться к вопросу о происхождении пиктов, что мы сейчас и сделаем.

Так кто же такие пикты?

Вот теперь, рассмотрев вопросы географии и истории пиктов, можно вернуться к их происхождению. Разумеется, в предположительной форме — всё сказанное ниже основано исключительно на логике и доказано быть не может. Впрочем, как и любая другая гипотеза происхождения этого народа.

Прежде всего давайте, частично повторив сказанное, окончательно определимся, кем пикты быть не могли. После чего решение вопроса об их происхождении методом от противного окажется очевидным.

Итак, они не могли быть прямыми потомками докельтских аборигенов Британии — тех самых низкорослых и длинноруких выходцев из Иберии или ещё откуда-то, типа Атлантиды или Лемурии. Во-первых, антропологически никаких таких низкорослых и длинноруких не фиксируется ни в виде скелетов, ни в современном населении — а ведь мы только что видели, что потомков пиктов среди современных шотландцев не меньше, чем потомков гаэлов, англов или норвежцев.

Во-вторых, до появления «исторических» пиктов на рубеже III–IV веков источники фиксируют на территории будущей Шотландии народы явно кельтские, называя их каледониями, вакомагами и прочими меатами, а то и просто бриттами.

В-третьих, археологические памятники в районах будущего расселения пиктов ничем не отличаются от таковых прочей Британии. То есть отличаются, конечно — но не больше, чем памятники Уэльса от ирландских; а и те, и другие — достоверно кельтские.

Не могли быть пикты и народом, пришедшим в Шотландию на рубеже III и IV веков.

Какому-либо неиндоевропейскому народу приходило было просто неоткуда: на западе и юге были кельты (а на юге ещё и бритто-римляне), на востоке, за морем — германцы. Иберы, с которыми так упорно пытаются их связывать, к этому времени были полностью романизированы. Разве что баски Пиренеев и Аквитании каким-то образом просочились на север — но это маловероятно из общих соображений.

Археологически фиксируется появление в Шотландии пришельцев из южных областей Британии и Галлии. Но, во-первых, это было задолго до пиктов, в I веке до н.э. А во-вторых, они были носителями тех же кельтских традиций.

Таким образом, нам не остаётся ничего иного, как признать, что пикты изначально представляли собой одну из ветвей кельтской группы народов. Так почему же окружающие народы воспринимали их как чужаков, приписывая необычный внешний вид и исключительную свирепость? Причём это — свидетельства со стороны тех народов, которые и сами не отличались в то время излишней кротостью — гаэлов и англосаксов. Но даже на общем фоне эпохи пикты, видимо, действительно выделялись стереотипом своего поведения — и, с нашей сегодняшней точки зрения, не в лучшую сторону.

Положим, особенности внешнего вида пиктов можно, с одной стороны, объяснить банальным преувеличением, обычным в отношении врагов. Вспомним Идолище Поганое русских былин. А ведь это — ни кто иной, как самый обычный половец-кыпчак, внешне мало отличимый от соседа «славянской наружности».

С другой же стороны, устрашающий внешний вид пикты придавали себе искусственно — в частности, то ли боевой раскраской, то ли татуировкой. Есть мнение, и оно — наиболее распространено (хотя столь же недоказуемо, как и любое другое), что само имя «пикты» означает «раскрашенные» (от латинского *Picti*).

Впрочем, наряду с этим высказывались и другие гипотезы и происхождения названия пиктов. Так, некоторые лингвисты возводят его к кельтскому корню, дававшему в других языках такие этнонимы, как притены или бритты, употребляемые в отношении жителей различных частей Британских островов: согласно одной из версий, впрочем, имя притенов означает «рисующие». То есть опять же фиксируется обычай татуировки

или боевой раскраски.

С другой стороны, название Пиктавия, в некоторых источниках применявшееся к королевству пиктов, находит параллель в континентальной Галлии, как область галльского племени пиктонов. К ним возводят названия области Пуату и города Пуатье.

Кстати, обычай и татуировки, и боевой раскраски также документально засвидетельствован у континентальных галлов.

Остаётся вопрос свирепости и чужеродности. Повышенная «свирепость», в том числе и искусственно культивируемая, свойственна кому? Правильно, воинским союзам, вроде бы имевшим место быть у германцев и кельтов. Ну а нам более известным по военным обществам индейцев прерий, описанным, например, Джеймсом Уиллардом Шульцем, наблюдавшим их воочию.

Причём Шульц, проживший среди черноногих многие годы и испытывавший к ним искреннюю симпатию, описывает «друзей», «воронов» и прочих представителей таких обществ в очень смягчённом виде. А так среди них документально засвидетельствованы весьма весёлые ребята.

Например, знаменитый Тасанке Уитке, он же Крэзи Хорс (в советских переводах — вполне политкорректный Неистовый Конь), знаменитый вождь оглала-сиу и борец за свободу против бледнолицых колонизаторов (он эпизодически появляется в фильмах с Гойко Митичем, но фигура вполне историческая), был заядлым коллекционером: он коллекционировал правые руки убитых врагов. Про такие мелочи, как традиция коллекционировать скальпы, используемые, в частности, как декоративный элемент одежды, я уже и не говорю.

Впрочем, примеры боевых братств можно найти поближе в пространстве — и географическом, и этнокультурном. Так, в эпоху Великого переселения народов (а имя пиктов появляется как раз накануне его) на огромном пространстве в треугольнике от Южной Скандинавии на севере до Приазовья на востоке и Испании на западе отмечаются следы таинственных герулов. Обычно считается, что это одно из

германских племён, вместе с готами вышедших из «Утробы народов» (то есть Скандинавии) и разбросанных дальнейшими событиями по всему свету.

Однако в последнее время получило распространение иная точка зрения (см. фундаментальные монографии Г.С.Лебедева и М.Б.Щукина): герулы были не этническим образованием, а воинским союзом с ярко выраженной религиозной, «одинической», составляющей, своего рода предтечами и странствующего рыцарства, и рыцарских орденов Средневековья. Примечательно, что герулы характеризуются в источниках как свирепые воины, использовавшие боевую раскраску.

Сходное предположение высказывается и в отношении аланов. Традиционно они считаются одним из сарматских племён, позже всех появившихся на исторической арене. Однако возможно, что и это имя первоначально применялось не к какому-либо этносу, а к членам надэтнического воинского союза, также распространившихся на огромной территории, от Приаралья до Магриба.

Так что более чем вероятно, что пикты сформировались на основе такого воинского общества, практиковавшего всякого рода приёмы морального воздействия на противников. Однако это не объясняет восприятия их окружающими как «чуждого элемента».

И вот тут пора вспомнить, что кроме этнической ксенофобии, существует и ксенофобия религиозная. И предположить, что пикты представляли собой не просто воинский союз, но и религиозную общину — нечто вроде ранних мусульман.

Мы никогда не узнаем, как звали того пророка, который принёс пиктам новое слово. Да и в чём суть его учения — тоже останется неизвестным. Не знали этого и соседи-современники. Но инстинктивно воспринимали пиктов не просто как врагов или соперников за жизненное пространство — но, вне зависимости от собственной конфессиональной принадлежности, как нечто чужеродное и друидическим представлениям кельтов, и древнегерманским верованиям, и митраизму, широко распространённому среди римских легионеров и их потомков, и постепенно утверждающемуся христианству.

Как я уже говорил, доказать военно-религиозную природу первоначального пиктского объединения невозможно — но лишь такое предположение и остаётся, поскольку отмечены все остальные. Тем не менее в пользу его можно привести и некоторые позитивные доводы, которые я постараюсь изложить в следующем разделе.

Доводы и аналогии

В предыдущем разделе было высказано предположение, что пикты — это не какой-то древний народ, а новообразованное на рубеже III и IV веков военно-религиозное объединение, возникшее на основе прежнего кельтского населения края. Теперь же я попытаюсь показать, что предположение это наилучшим образом объясняет все известные нам факты.

Начнём с языка и письменности. Как уже говорилось, в исторический период пикты говорили на одном из кельтских языков, скорее всего — бриттской Р-ветви. Существование у них ранее иного, неиндоевропейского, языка, обосновывается исключительно тем, что надписи их, сделанные латиницей или огамическим письмом, абсолютно непонятны, хотя формально и могут быть прочитаны.

Ранее я уже высказывал предположение, что это обусловлено обычной неграмотностью авторов, воспроизводящих внешнюю форму чужих символов без малейшей заботы об осмысленности того, что получается в результате. Однако возможно и другое объяснение.

Поскольку надписи пиктов не прочитаны, то и содержание их неизвестно. Однако существует мнение, идущее ещё из глубины веков, что большая их часть — это списки личных имён. А

«Непонятность» этих надписей вызвана, несомненно, тем, что они содержат необычные личные имена.

Изабель Хендерсон. Пикты

При этом обычно молчаливо предполагается, что имена эти, не находящие аналогий в современных им кельтских, унаследованы от древнего доиндоевропейского субстрата. Однако последнее совсем не обязательно. Возможно, перед нами списки имён (если это действительно они) сакральных, принимаемых при вступлении в братство или по достижении «военно-религиозного совершеннолетия». Примеры тому настолько многочисленны в истории, что всех и не упомянуть — можно упомянуть, скажем, тех же индейцев прерий.

Теперь о пресловутой матрилинейности наследования королевской власти и, видимо, матрилинейном счёте родства вообще, что связывается с сексуальной свободной пиктских женщин, переходящей в распущенность даже с позиций «целомудренных» римских матрон. Это также рассматривается как наследие доиндоевропейского субстрата. Однако...

...однако тут есть два аспекта. Во-первых, пикты не так уж сильно выделяются в этом отношении на фоне окружающих народов. Женщины-правительницы исторически засвидетельствованы у бриттов (знаменитая Боадия, например). А уж легендарная и (почти) историческая традиция Ирландии ими просто пестрит. Находя своё законченное воплощение в королеве Медб, прославленной, помимо своих управленческих талантов и воинских подвигов, также и изобилием любовников.

Что же до того, что у пиктов эта тенденция была реализована более полно, легко объяснимо условиями жизни военно-религиозного братства. И тут мы опять обратимся к североамериканским аналогиям.

Как известно, матриархат в качестве стадии развития человеческого общества придумал Фридрих Энгельс. Который основывался на работах Льюиса Моргана, долгие годы изучавшего ирокезов и описавшего их своеобразные семейные отношения — матрилинейный брак, счёт родства по материнской линии и вообще высокое положение женщин в обществе.

Однако это явление оказалось не древним, как решил будущий классик марксизма в промежутке между ходками по работницам своих фабрик, а как раз наоборот, поздним, возникшим, можно сказать, на глазах европейцев. Оно было обусловлено

непрерывными войнами ирокезов (которые сами представляли собой агломерат из осколков нескольких родственных племён) с окружающими народами — как чуждыми по крови и языку алгонкинскими (среди них — могикане, известные), так и близкими родственниками — гурунами, эри и другими, от которых остались только условные названия, присвоенные французами (типа лаврентийцев или «нейтральных»).

Война была равна, сражались два... племени. Точнее, не два, а ирокезы вели тотальную войну на уничтожение против всех окружающих народов. И, за счёт лучшей организации (вспомним о воинских братствах) неизменно одерживали победы, полностью уничтожив эри, лаврентийцев и «нейтральных», проредив и вытеснив гурунов, не говоря уже о бессчётных алгонкинских народах. При этом экспансионистские настроения у ирокезов практически не прослеживаются — создаётся впечатление, что войны велись даже не ради грабежа (что было грабить-то?), а именно на истребление.

Однако противники ирокезов тоже не лаптем щи хлебали, практически не отличаясь от тех ни по тактике, ни по вооружению. И в этих войнах ирокезы несли катастрофические потери, никак не восполняемые естественным путём. Поэтому они пошли по пути восполнения потерь путём противоестественным: инкорпорацией в свой состав мальчиков из побеждённых народов, у которых ещё не успело сформироваться этническое самосознание. В результате чего миссионеры отмечали, что во многих ирокезских общинах невозможно было вести проповеди на ирокезском языке — таково было количество недавних адоптантов из других ирокезоязычных и алгонкинских племён.

Читатели Лизелотты Вельскопф-Генрих помнят идиллические картины жизни «усыновлённых» бледнолицых среди своих краснокожих «братьев». Однако реальность была далека от романов. И её во всей жестокости описал один из таких юных полонённых «сыновей» — Джон Тённер в книге «Тридцать лет среди индейцев».

Вследствие такого «гуманного» отношения из юных «сыновей» пёжка племени вырастали достойные кадры для продолжения агрессии. Однако, будучи, тем не менее, на полу-рабском положении, они слабо усваивали традиции ирокезского народа, вплоть до, как было уже отмечено, языка. И носителями традиции

естественным образом стали, во-первых, старики некомбатантского возраста, во-вторых, женщины — только они и были природными ирокезами. Таково было происхождение энгельсового матриархата, тесно связанного с геронтократией, о которой он не упоминает.

Столь разнородный по происхождению контингент нуждался в каком-то консолидирующем факторе, лежащем вне древних племенных традиций, абсолютно чуждых изрядному числу его представителей. И такой фактор был найден в религии — у ирокезов начинают формироваться представления о некоем Великом Духе. Нам, благодаря Лонгфелло, он известен под алгонкинским именем Гитчи Маниту, однако ирокезское его имя — Таронгайавагон. Развивается своего рода дуализм, чем-то напоминающий зороастрийский: у Великого Духа, олицетворявшего собой всё хорошее, имелся и брат-близнец, Тавискарона, концентрирующий в себе тёмные стороны жизни.

Аналогия между ирокезами и пиктами напрашивается. И в следующем разделе я рискну предложить вниманию читателей основанную на ней реконструкцию формирования народа пиктов.

Реконструкция

В прошлом разделе я высказал предположение, что пикты — не какой-то древний народ, наследник мифических доиндоевропейских жителей Британии, а новообразованное объединение, возникшее к началу IV века из осколков различных племён. А теперь давайте напряжём свою фантазию и представим, как это могло происходить в реальности.

Для начала следует вспомнить, что происходило в III веке нашей эры глобально, в масштабах Римской империи, регионально, в масштабах Британии, и локально — в масштабах будущей Шотландии.

Для Рима III век начался со смертью Септимия Севера в 211 году, во время последнего успешного похода на Британию и Каледонию. Последующий период вошёл в историю империи как «Кризис III века», ознаменовавшийся так называемой «чехардой

солдатских императоров». Каковая происходила на фоне первого натиска готов на севере и неудачных войн с новобразованной державой Сасанидов, сменивших древних парфянских царей — на востоке. Риму стало не до Британии, и тем более — не до Каледонии.

Однако и без мудрого руководства римской администрации обстановка в южной части Британии оставалась стабильной. Бритто-римское население сумело организовать местное самоуправление. А под конец столетия даже выдвинуло собственных «императоров Британии» — сначала Гаравсия, затем Аллектон, около десятилетия сохранявших независимость от центральной власти. Их скорее можно назвать «императорами в Британии» — они явились предшественниками британских претендентов на верховную власть в Римской державе, появившихся в следующем веке.

Кроме того, III век на Британских островах знаменуется началом экспансии скоттов с запада, из Ирландии, и первыми набегами германцев — с востока. И если в благополучной Римской Британии скотты вели себя относительно мирно, оседая в качестве поселенцев и ассимилируясь с бритто-римлянами, если набеги германцев в то время ещё вполне успешно отражались, то в Каледонии, не организованной политически и только что пережившей вторжение Септимия Севера, обстановка, видимо, была напряжённой.

В «Легенде о Монтрозе» сэр Вальтер Скотт цитирует шотландскую присказку времён действия романа:

Чей дом сожжён — тот должен стать солдатом.

И примеров этому в его творчестве (как и в истории Шотландии) можно найти много. Включая легендарных МакГрегоров — клан того самого Роба Роя, который, на основании собственной анатомии, возводил свою родословную к пиктам.

Резонно предположить, что принцип этот действовал и за полтора тысячелетия до времён Джеймса Грэма Монтроза. И жители земель, разорённых пришельцами с юга, запада и востока, сконцентрировались в местах, с одной стороны, не очень доступных для врагов, с другой — относительно пригодных для хозяйствования. То есть — на том треугольнике востока Средней Шотландии от Ангуса до Морея, который потом и составит ядро Королевства пиктов.

Объединение этих осколков разных кельтских, преимущественно каледонских, племён, родственных по языку и происхождению, в некое политическое образование представляется вполне естественным. Но исторические аналогии показывают, что без внешней консолидирующей силы такие объединения долго не живут. И такой силой вполне могла стать новая религия.

Почему новая? Ответить легко. Древний кельтский друидизм, с одной стороны, был обескровлен тремя веками римских гонений — таких, каким на пространствах империи не подёргалась ни одна религия, кроме христианской. С другой же стороны — дискредитирован военными неудачами и прочими невзгодами. Римская религиозная практика (назвать её религией довольно затруднительно) — была и оставалась чуждой местному населению. Как и митраизм, получивший широкое распространение в легионах империи, в том числе — и в Британии: это была религия врагов. Ну а до успеха христианских проповедей Святого Патрика и его ирландских последователей оставалось ещё около столетия.

Если религии нет — её, в соответствии с тезисом Вольтера, следует создать. Вполне вероятно, что именно это и произошло: на будущих пиктских землях появился пророк новой веры. Мы не знаем его имени. Неизвестно, поклоняться каким богам, или какому богу, он призывал. Вполне возможно, что этот бог символизировался знаменитым «пиктским зверем».

О «пиктском звере»

«Пиктский зверь» — второй герой нашего повествования. Кто такой, этот северный олень «пиктский зверь»? Чтобы ответить на этот вопрос, хотя бы в

предположительной форме, надо для начала поглядеть не то, каким его представляли себе пикты.

«Пиктский зверь» в изображениях

Изображений «пиктского зверя» сохранилось изрядное количество, и создавались они на протяжении большей части документированной истории пиктов. Ранние датируются обычно VII, иногда несколько более ранним временем. И они носили вполне «реалистический» характер (насколько можно говорить о реализме применительно к существу, возможно полностью мифическому):

Рис. 1а. «Пиктский зверь». Камень замка Strathmartine.

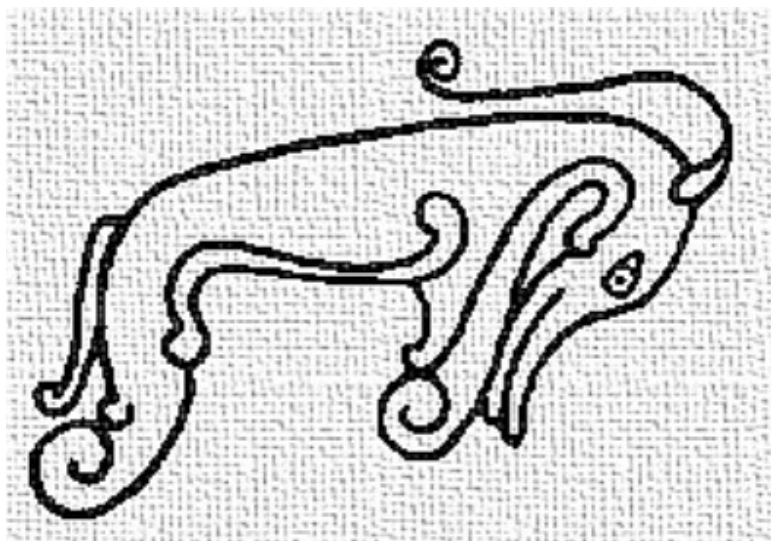

Рис. 16. «Пиктский зверь». Прорисовка фото с рис. 1а»

Однако со временем изображения «пиктского зверя» становились всё более стилизованными, вплоть до полной неузнаваемости образа:

Рис. 2. «Пиктский зверь». Камень Родни близ замка Броди

Однако даже по самым «реалистическим» из сохранившихся изображений определить систематическую принадлежность этого существа не взялись бы и Линней с Кювье на пару.

Лохнесское чудовище или...

Есть мнение, что «пиктский зверь» — это ни что иное, как чудовище озера Лох-Несс. Тоже замечательный сюжет для очередного романа в лучшем стиле Роберта Говарда — будущий пророк новой религии одерживает победу в поединке с чудовищем, после чего народ признаёт его повелителем душ и тел.

Рис. 3. Встреча с Лох-Несским чудовищем. Рисунок современного художника

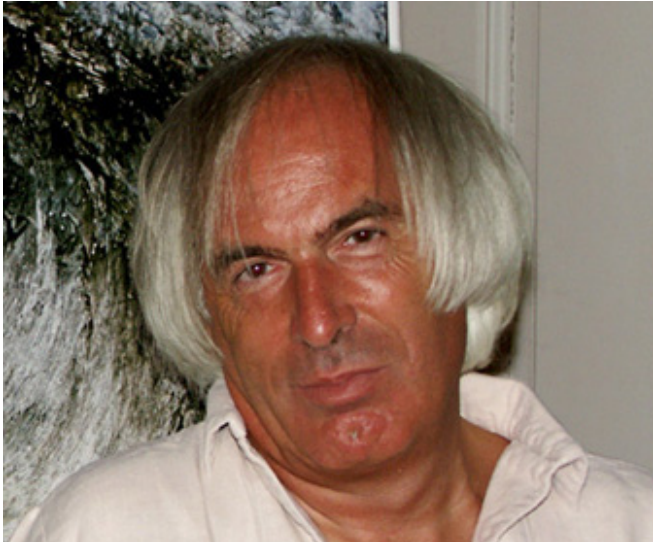

Рис. 4. Хуго Хайнкенвельдер (Hugo Heikenwaelder) — это он нарисовал Несси

Хотя возможен и противоположный вариант — наш предполагаемый пророк, вступает с ним в мысленный контакт и обучается у него мудрости, накопленной за миллионы лет, с юрского периода. В этой связи стоит вспомнить, что резиденция Бриде, считающегося первым королём объединившегося пиктского народа, находилась неподалёку от озера Лох-Несс...

Рис. 5. Вид на озеро Лох-Несс

Правда, к решению загадки «пиктского зверя» нас это приближает не сильно. Потому как кто оно такое, это лохнесское чудовище — тоже никому не ведомо. Обычно

считается, что это может быть плезиозавр, каким-то чудом уцелевший с юрской эпохи чуть ли не в единственном экземпляре. Это обосновывается так называемой «фотографией хирурга», выполненной в 1934 году:

Рис. 6. Лохнесское чудовище. Фото Кеннета Уилсона, 1934

Однако углядеть в ней сходство с реконструкциями плезиозавров даже тех лет, когда эта «фотография» якобы была сделана, довольно трудно:

Рис. 7. Плезиозавр. Из книги: И. Аугуста, З. Буриан. По путям развития жизни. Прага: Артия, 1966

Ныне же считается, что шея у этих динозавров была малоподвижной, и особо высовывать её из воды они не могли.

Больше сходства можно найти с реконструкциями каких-нибудь диплодоков или бронтозавров:

Рис. 8. Бронтозавр. Из книги: И. Аугуста, З. Буриан. По путям развития жизни. Прага: Артия, 1966

Однако и тут возникают напряжения: гигантские зауроподы были не водными, а скорее земноводными, и к тому же растительноядными. Так что прокормиться в окрестностях горного шотландского озера им было просто нечем.

Впрочем, выяснять природу объекта, изображённого на «фотографии хирурга», ныне уже излишне. Ибо объект этот — макет, изготовленные самим Уилсоном и тремя его «коллегами» по розыгрышу, находившимся под впечатлением первой экранизации

романа «Затерянный мир» (автор которого, как известно, тоже был изрядным шутником). Тайна розыгрыша хранилась около сорока лет, пока один из его участников не «раскололся» в 1974 году.

Есть и вполне современная фотография, сделанная в сентябре 2016 года фотографом-любителем Иеном Бремнером (Ian Bremner). И здесь, судя по [сообщению](#), обстоятельства, как будто, не дают оснований подозревать автора в фальсификации: он просто мимо проходил, и сделал видовой снимок. А уже дома углядел, что в кадр попало что-то, кроме озёрных волн. Однако и оснований углядеть на фотографии Лох-Несское чудовище — не больше:

Рис. 9. Фотография Иена Бремнера, 2016

Высказывалось предположение, что на фото Бремнера запечатлены три играющих тюленя. Правда, я не слышал о том, чтобы в озёрах Шотландии водились тюлени — но и ничего невероятного в этом нет. Озеро соединяется с Северным морем каналом протяжённостью около 40 км:

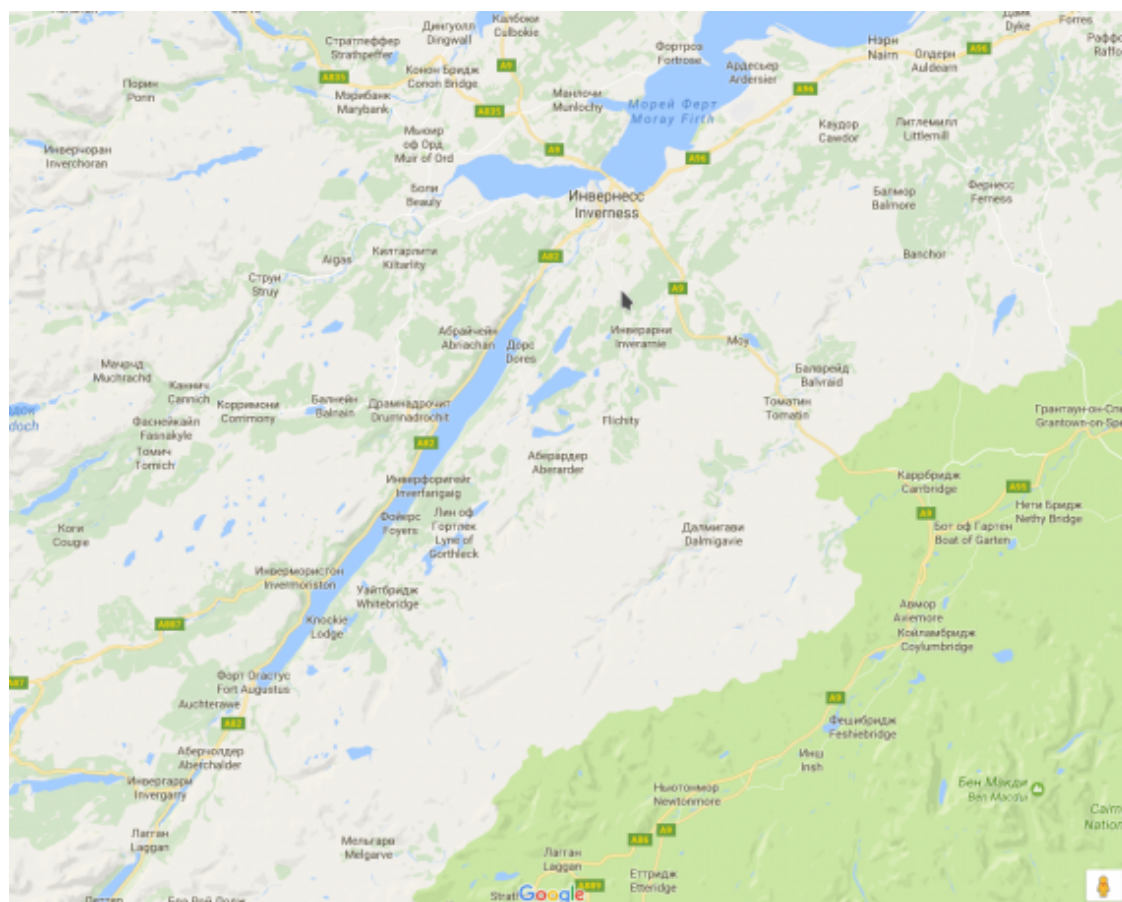

Рис. 10. Карта озера Лохх-Несс и его окрестностей

Ну а что тюлени могут заплывать по рекам достаточно высоко — подтверждается несомненным существованием нерпы в Ладожском озере, не говоря уже об озере Байкал.

Однако, если даже забыть, что лохнесского чудовища не существует и существовать не может (позвольте не вдаваться тут в обоснование этого тезиса — для бывшего геолога это то же самое, что для физика обосновывать невозможность вечного двигателя), «пиктский зверь», каким он изображён на ранних, «реалистических», если так можно выразиться, изображениях, ничуть не похож на того якобы «плезиозавра», которого пытаются отыскать в глубинах шотландского озера.

...безобидная рыбка?

Когда я ещё только думал о сочинении первой редакции этой новеллы, то разглядывал немало изображений «пиктского зверя» — все, какие мне удалось найти в Сети. И всё время меня преследовала мысль, что где-то когда-то я уже что-то похожее видел. И в один прекрасный момент понял, кого мне «пиктский зверь» напоминает — морского конька. То есть рыбу из рода *Hippocampus*, например, вот такую:

Рис. 11 Морской конёк

Или вот такую:

Рис. 12. И это он же...

Обратите внимание на сходство «выражения глаз» этого конька с «пиктским зверем» на рис. 16.

Правда, представители рода *Hippocampus* обитают преимущественно в тропических морях. Однако иногда они встречаются и в Северном море, в том числе у побережья Англии. В частности, не далее как в прошлом, 2015-м, году на побережье графства Дорсет [выловили целого «морского першерона»](#) длиной 34 сантиметра:

Рис. 13. Морской конёк-гигант

Не исключено, что встарь этих рыб заносило и в воды, омывающие Каледонию, где они привлекли внимание местных жителей своим необычным видом. Благодаря чему и стали объектом поклонения. Пережитки которого дошли до наших дней в виде образа кэльпи — водяной лошади шотландских сказок, способной принимать человеческий облик, например, прекрасного принца-соблазнителя и «юных девушек растлителя». Или, напротив, юной девушки с зелёными волосами:

Рис. 14. Келпи. Герберт Джеймс Дрейпер, 1913

Так или иначе, но образ «пиктского зверя» встречается на памятниках, оставленных этим народом на протяжении всей его документированной истории. Интересно, что на некоторых каменных стелах зверь этот соседствует с изображением некоего кентаврообразного существа:

Рис. 15. Пиктская стела Майденстоун (Maiden Stone), около IX века

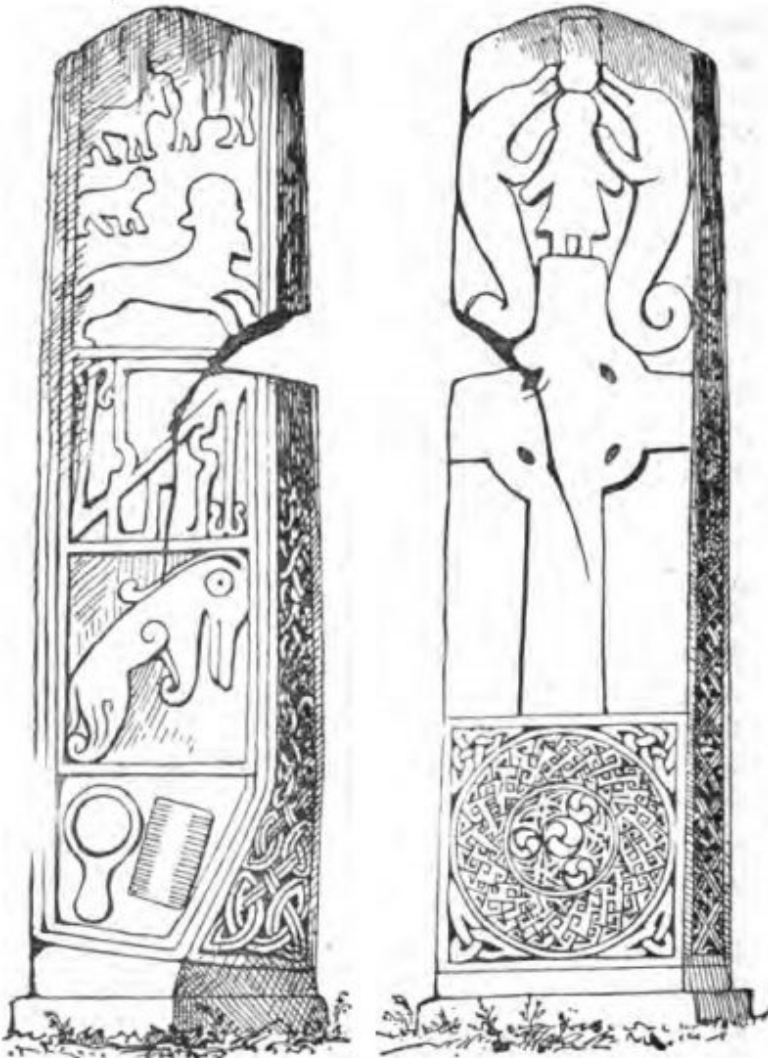

Рис. 16. Майденстоун, прорисовка фотографии

Не отражает ли это связи между «пиктским зверем» и тем самым (или той самой) мифической кэлпи?

Английские параллели

Новые штрихи к образу «пиктского зверя» добавляет открытие, сделанное 9 июля 2000 года в Стаффордшире неким Терри Гербертом. Он с помощью консервного ножа и чьей-то матери металлодетектора и лопаты обнаружил англо-саксонский клад VII-VIII веков. И в нём среди более чем трёх тысяч предметов (на 75% — золотых)

присутствовал и такой:

Рис. 17. Фигурка из Стаффордширского клада

В [сопроводительном тексте](#) существо, здесь изображённое, классифицируется как

...ВОЗМОЖНО, ЛОШАДЬ, а ВОЗМОЖНО, и медведь, кабан или волк.

Однако, если присмотреться к нему внимательней, в нём можно обнаружить черты и реального морского конька, и мифического «пиктского зверя».

Стаффордширский клад был зарыт в самом центре Англии, на территории древней Мерсии, в её «погранзоне» с Уэллсом. То есть, казалось бы, слишком далеко от Страны Пиктов. Однако характер клада позволяет предполагать, что это в значительной мере военная добыча. А в том, что мерсийцы участвовали в войнах на границах Нортумбрии и Пиктавии, нет ничего невероятного.

Правда, высказано и предположение, что Стаффордширский клад — это трофеи, доставшиеся мерсийцам после их победы над валлийцами в битве на реке Трент (650 г.), недалеко от города Личфилда, поблизости от которого клад и был обнаружен. И тогда напрашивается валлийская атрибуция «звероконька». Что кажется ещё интересней.

Ибо нет ничего невероятного в том, что образ морского конька — этой безобидной, но экзотической рыбки послужил тем центром кристаллизации, вокруг которого сплотились осколки разорённых войнами племён Каледонии, ставших пиктами — одним из самых свирепых народов Европы тех времён. Доходивших в своих набегах не только до Лондона, но, вполне вероятно, и до Уэльса. Где, будучи не чуждыми прозелитизма, познакомили с культом своего «зверя» этнически близких валлийцев.

Однако в Англии обнаруживаются и другие параллели «пиктскому зверю». Например, в знаменитом кургане Саттон-Ху, датируемом рубежом VI-VII веков — предположительно это погребение короля Восточной Англии Редвальда. Так вот, существо на накладке кошелька из этого кургана удивительно напоминает и находку из Стаффордширского клада, и ранние, ещё «реалистические», пиктские изображения:

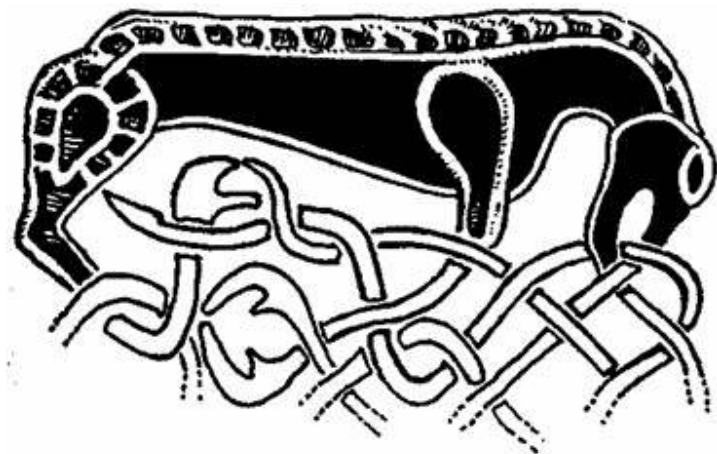

Рис. 18. «Кусающий зверь». Погребение Саттон-Ху, накладка кошелька

Ещё более интересно, что почти таких же «кусающих зверей» можно видеть на одной из заставок Евангелия из Дарроу (или Книги из Дарроу):

Рис. 19. «Кусающие звери». Евангелие из Дарроу, рисунок на заставке

Книга эта также датируется VII веком. А место её создания — предположительно Нортумбрия или Аббатство Дарроу (графство Лаоис, Ирландия). Если правильно первое — нельзя исключить прямого пиктского влияния на художника-христианина. Ибо не особенно тверды они тогда были в вере. В случае же ирландского происхождения Книги напрашивается следующее предположение: что образ «пиктского зверя» — никакой не пиктский, а общее достояние всех островных кельтов. Память о чём сохранилась у валлийцев, ирландцев и вообще гаэлов (в виде кэльпи). Просто у пиктов этот «зверь» стал главенствующим — своего рода этноопределяющим мифическим образом.

Пикты и христианство

Возникает резонный вопрос, а как на религию пиктов (и на «пиктского зверя») повлияло христианство? Ведь будущая Шотландия оказалась одним из первых полей приложения сил и бриттских, и ирландских миссионеров, роль которых в христианизации Северной Европы, включая и Русь Святую, до конца не оценена по сей день. Давайте посмотрим.

Первым проповедником христианства в землях скоттов и пиктов считается Святой Ниниан, деятельность которого традиция относит ко второй половине IV — первой половине V веков. Однако, даже если он и существовал в действительности (в чём имеются вполне обоснованные сомнения — только не у Агнес Мак-Кензи), практических результатов его миссионерство, видимо, не имело: следующий просветитель севера Британии, Святой Патрик, называет пиктов вероотступниками.

Вторая попытка христианизации пиктов связывается с именем Святого Колумбы. В отличие от Ниниана, это безусловно историческая личность, выходец из рода, давшего несколько верховных королей Ирландии, потомок Ниалла Девяти Заложников, того самого, который привёз на этот остров юного раба — ему суждено было стать Святым Патриком.

В результате одной из ирландских разборок Колумба покинул страну, отправившись в изгнание — добровольное или вынужденное. И развернул революционную религиозную агитацию сначала среди скоттов Даль Риады — по одной из версий, настолько успешную, что король этой страны подарил ему остров Айону. На нём Колумба основал монастырь — в нём позднее на протяжении многих веков хоронили королей объединённого королевства скоттов и пиктов. Упокоился там и поминавшийся ранее Макбет — ни у кого из современников не было сомнений ни в законности его притязаний на трон, ни в том, что место это он заслужил своими делами. Но это, повторяю, совсем иная история...

А вот после этого Колумба отправляется проповедовать среди пиктов. Причём именно в то время, когда король Бриде объединил пиктов под своей властью — около середины VI века. Но вот что странно: источники в лице Бэды Достопочтенного

сообщают об успехе миссии. В то же время Адамнан, автор жития Святого Колумбы, пишет лишь о том, что его герой пользовался уважением короля Бриде, но ни словом не упоминает о крещении самого короля, да и по части его народа тоже особо не распространяется. Не сохранилось также никаких сведений ни об основанных Колумбой в землях пиктов церквах и монастырях, ни о поставленных им священнослужителях.

Впрочем, есть и другая версия истории Колумбы: после недолгого пребывания в Даль Риате он почти сразу занялся миссионерством среди пиктов, и немало в этом преуспел. В ознаменование чего получил Айону в дар от короля Бриде.

Век спустя следующий известный христианизатор севера Британии, Аэдан из того самого Айонского монастыря, по просьбе короля Нортумбрии, Освальда (в последующем названного Святым), развивает успешную деятельность среди его подданных — англов. Но о миссионерстве его среди пиктов не сообщается ничего.

Конечно, живя в окружении христианизированных народов и вступая с ними в разнообразные контакты, в том числе и в династические браки, пикты со временем не могли не подвергнуться влиянию этой религии. Однако если даже ирландцы, народ, давший такое количество апостолов севера, были христианизированы очень поверхностно, то что говорить о пиктах, которых, как неоднократно говорилось, окружающие полагали дикарями и нечестивцами...

Так что широкие народные массы королевства пиктов, включая и знать, видимо, до самого конца существования его продолжали поклоняться своим богам (или богу — морскому коньку ака «пиктскому зверю»), придерживаться своих обычаев и исполнять свои обряды.

И вот тут мы вплотную подходим ко третьей теме, вынесенной в общий заголовок этих очерков — к теме верескового эля.

О ПИКТСКОМ ЭЛЕ

Эль — третий персонаж и нашей истории, и сложившейся вокруг легенды, ничуть не менее важный, чем пикты и их «зверь». И вообще, значение этого напитка в описываемую эпоху, как мы сейчас увидим, переоценить трудно.

Представление третьего персонажа

До сих пор в настоящем цикле много говорилось о пиктах, немало — о их «звере». И ни слова не было сказано об их эле. Получается прямо как у Дениса Давыдова:

*Жомини да Жомини,
А об водке ни полслова.*

Об водке ни полслова не будет и далее. Хотя и считается, что секрет перегонки Святой Патрик распространял вместе с христианской верой, но это из области агиографических чудес. На самом деле перегонку придумали арабы по причине запрета на питье вина, а в Европе она стала известна только после крестовых походов. Но вот об эле поговорить самое время.

Как я уже сказал в конце прошлого раздела, пикты на протяжении всей своей истории, скорее всего, придерживались в основном своих верований, обычаев и обрядов — вне зависимости от того, считали их окружающие язычниками или христианами. О верованиях нам остаётся только гадать. А вот кое-какие обычаи и обряды можно попытаться реконструировать по аналогии с кельтами, от которых они произошли, и с германцами, на протяжении всей своей ранней истории находившимися под сильным кельтским влиянием.

Так вот, неотъемлемой частью всех религиозных обрядов и кельтов, и германцев была... очень большая пьянка. На ней пили за мир и урожай, пили в память предков,

пили за здоровье и удачу короля или иного представителя власти. Каковой, собственно, эту пьянку и возглавлял — не оттуда ли пошла присказка:

Если пьянку нельзя пресечь, её нужно организовать и возглавить.

Пили кубками, рогами и прочими изрядными ёмкостями, причём каждую поднесённую ёмкость полагалось опустошать. Иначе застольный разговор из плоскости «Сеня, ты меня уважаешь?» легко переходил в плоскость неуважения к богам и правителям. То есть недостаточно усердные возлияния могли квалифицироваться как богохульство и государственная измена.

А с другой стороны, если своими обязанностями организатора и главы пьянки манкировал правитель — это вполне могло послужить основанием для его свержения, и такие случаи в истории, например, древней Скандинавии, известны.

Ссылки на нездоровье, видимо, в расчёт не принимались — в полном соответствии с принципом советской номенклатуры:

Если нет здоровья пить — как же можешь руководить?

Вообще, скандинавские саги сохранили очень колоритные описания таких сакральных пьянок, подчас, как и любые многолюдные попойки во все времена у всех народов, приводивших к тяжёлым политическим последствиям. Например, в Саге об Эгиле Скаллаgrimсоне нежеланное участие последнего в сакральном пиру с обильными возлияниями в честь дис приводит к убийству им хозяина застолья и, в дальнейшем, к растянувшейся на десятилетия вражде его с норвежскими конунгами — Эйриком Кровавой Секирой и его женой Гуннхильд.

А в «Хеймскрингле» описан пир, устроенный датским конунгом Свейном Вилобородым в память о своём отце Харальде Синезубом (том самом, в честь которого назван интерфейс Bluetooth). На котором перепившиеся викинги из Йомсборга поклялись захватить Норвегию. Протрезвев наутро, они поняли, что наговорили лишнего — но за базар пришлось ответить, в конечном счёте — полным разгромом в морской битве с ярлом Хаконом.

Я ещё вернусь к вопросу, почему эти сакральные пьянки нередко влекли за собой столь тяжёлые последствия.

Кстати, если высоконравственные славянофилы и неоязычники полагают, что наши предки чем-то отличались в этом отношении от кельтов и германцев — они глубоко заблуждаются. Не зря же летопись приписывает князю Владимиру, будущему Святому, слова:

Веселие Руси есть питие.

Другое дело, что описаний пиров князей земли русской не было запечатлено в источниках, сравнимых с исландскими сагами по достоверности и выразительности. А те, что дошли до нас, написаны церковнослужителями, склонными приписывать князьям умеренность, приличествующую христианам. Но никак не характерную для военной знати всех времён, народов и вероисповеданий.

Хотя на самом деле и с введением христианства ничего не изменилось. Если сакральная сторона пьянки после этого как-то затёрлась, то политическая, как символ единения вождя с его людьми — дружиной и подданными, — пожалуй, даже стала ещё более выпуклой. В сущности, и скандинавская вейцла, и русское полюдьё во многом сводились к тому, что правитель объезжал земли, признававшие его власть, и в каждой из них жители, в качестве проявления верноподданических чувств, устраивали для него большое и верное поддатие.

И продолжалось такое поддатие столько, сколько было установлено законом. Ибо это был основной способ прокормления вождя и сопровождающих его лиц — ведь в те времена не существовало эффективных способов консервации продуктов, да и с логистикой была напряжёнka. А так как кормление неизбежно сопровождалось поением — толерантность к алкоголю была одним из главных (наряду с воинской доблестью) критериев профессиональной пригодности и вождя, и его свиты.

Что пили на пирах?

Так что же пили во время таких сакральных, а позднее — политических пьянок? Вина в северных странах не водилось за отсутствием винограда. Пресловутые дедовские мёды требовали и сырья, не везде бывшего в изобилии, и сложной технологии изготовления, и длительности процесса, исчислявшейся десятилетиями, при очень малом выходе готовой продукции. То есть в качестве массового всенародного напитка не годились никаким образом.

Оставались алкогольные напитки, получаемые путём брожения зерновых — в первую очередь ячменя, как наиболее распространённой в то время на северах культуры, иногда с добавлением ржи или пшеницы. В Скандинавии большая часть зерновых и вовсе шла не на выпечку хлеба, а на приготовление таких напитков. А неурожайные годы в источниках отмечаются сообщениями, что даже самым богатым людям не из чего было их варить. То есть — не было необходимой составляющей для отправления религиозных обрядов, почему в ходе последних и пили обязательно в том числе и за урожай.

В русских переводах первоисточников такие напитки часто именуются пивом. Однако это не правильно. Настоящее пиво (современное английское *beer* и его вариации в европейских языках) изготавливается обязательно с добавлением хмеля. И получило широкое распространение в Европе не раньше XII века, сначала — в Южной Германии и Богемии: с тех времён и идёт слава баварских и чешских пивоваров.

По всей же остальной Европе издревле алкогольные напитки получали путём простого сбраживания зёрна или, в лучшем случае, солода. Именно за ними и закрепились названия — брага и эль (*ale*).

Современный эль готовится из того же материала, что и пиво — ячменного солода и хмеля, различаясь лишь технологией сбраживания. Да и то эль от пива по вкусу отличается достаточно отчётливо. А чтобы представить, что представлял собой тот, стародавний, эль (или брага), достаточно попробовать полуфабрикат для изготовления качественного, что называется, «для себя», деревенского самогона. Вкус, надо сказать, специфический...

Другое дело, что полуфабрикат этот для употребления вовнутрь не предназначен — только для перегонки, хотя обычную сахарно-дрожжевую бражку хлещут за милую душу. А в приснопамятные времена последнего антиалкогольного указа на это дело шли и томатовка, и конфетовка, часто даже с обёртками — для пущего букета. Но процесса перегонки во времена пиктов, скоттов и прочих викингов, как было сказано выше, на Северах ещё не знали...

Вот и употребляли вышеименованные граждане эль и брагу, вкусом далеко не изысканные и пользы для организма сомнительной. Это может подтвердить каждый, кому случалось перебирать даже современного качественного пива — а уж что говорить о тогдашних напитках. Которые, к тому же, полагалось употреблять в больших количествах, дабы подданным не быть заподозренными в нелояльности к богам и правителям, а последним — избежать упреков в неуважении к сподвижникам и кормильцам.

В древней Норвегии количество пива, которое должен был наварить каждый полноправный бонд на религиозные праздники, типа йоля (праздник середины зимы), регламентировалось в законодательном порядке. И, согласно дошедшим до нас источникам, количество это было презрядное.

Причём, вне зависимости от количества выпитого, следовало вести себя прилично. В частности, не блевать в помещении — на такое способны были только самые презренные люди, как сообщается в упоминавшемся эпизоде из «Саги об Эгиле Скаллагримсоне». Ну а о политических последствиях сакральных пьянок я уже говорил...

Из вереска ли напиток?

Так что проблема разработки технологии приготовления качественных алкогольных напитков из подручных материалов на заре Северного Средневековья была не менее актуальной, чем на закате Советской эпохи. И не отсюда ли пошла легенда о вересковом эле пиктов?

Я с трудом представляю, какой напиток можно приготовить непосредственно из вереска. Тем более что вереск, вне зависимости от его свойств — очень распространённое растение шотландских пустошей. И если бы он мог использоваться в качестве «облагораживающей» добавки к элю (каковой, повторяю, представлял собой заурядную зерновую бражку) — эту технологию быстро, методом ползучего эмпиризма, освоили бы и скотты, и англы, и позднее норвежцы. И не было бы в этом никакой тайны.

И тут самое время вспомнить, что в оригинале баллада Стивенсона называется *Heather Ale*. А *heather*, как ни странно, не совсем вереск. Или, по крайней мере, не всегда вереск. Этим словом в Шотландии называют часто представителей рода *Erica*, хотя и близкого к роду собственно вереска, *Calluna*, но отличного от него.

Для пущей определённости представителей рода *Erica* именуют иногда «зимним», или «весенним», вереском, по английски — *winter (or spring) heather*. Тогда как за видом *Calluna vulgaris* (кстати, единственным представителем рода *Calluna*) закрепилось название «летнего», или «осеннего», вереска, по английски *summer (or autumn) heather*.

Так вот, во-первых, европейские виды рода *Erica*, будучи реликтовыми растениями, относятся к редким даже в областях своего естественного ареала. Охватывающего, в том числе, и Шотландию, где она представлена, насколько мне удалось выяснить в меру своей ботанической неграмотности, видами Эрика сизая (*Erica cinerea*) и Эрика четырёхмерная (*Erica tetralix*):

Рис. 18. Эрика четырёхмерная (*Erica tetralix*)

Во-вторых, произрастают эти виды на вересковых пустошах в качестве примеси к вереску обыкновенному.

А в-третьих, насколько можно понять из [статьи Александра Уоллеса](#), именно какие-то виды рода Эрика использовались жителями островов близ Шотландии ещё в XV веке в качестве «облагораживающих присадок» при изготовлении эля:

Рис. 19. «Вересковый портал» в «дачный домик», остров Скай.
Из статьи Александра Уоллеса

Рис. 20. А вот и сама «дача»

А потому легко допустить, что служители культа «пиктского зверя», эмпирическим путём определили, что эрики (или, возможно, один определённый вид этого рода) наилучшим образом подходят для превращения заурядной зерновой бражки в «благородный» напиток. Ведь, с одной стороны, именно они (наряду с правителями, конечно) отвечали за организацию сакральных застолий. А со стороны же другой, именно от них можно ожидать знаний по части флоры родного края. Они и составили предмет их Великой Алкогольной тайны, передававшейся из поколения в поколение.

Что же до названия эля — «вересковый», то это, возможно, не более чем метафора:

эль, не изготовленный из вереска, но происходящий из Страны Вересковых пустошей. Своего рода — торговая марка, подобно коньяку, арманьяку и прочему шампанскому.

Нельзя исключить также момент сознательной дезинформации враждебных соседей со стороны пиктских жрецов, призванной скрыть истинную технологию приготовления напитка и его ингредиенты.

Так обстояло дело с вересковым элем, или иначе, но далее судьба его могла развиваться таким образом. Живя в окружении народов, пусть и поверхностно, но христианизированных, пикты, как я уже говорил, не могли не подвергнуться христианскому влиянию. Тем более, что большинство их королей были пиктами только по материнской линии и воспитывались при дворах христианских правителей Даль Риады, Стратклайда или Нортумбрии. Тайна же «верескового» эля принадлежала носителям традиций старой веры в «пиктского зверя», и за их круг, скорее всего, не выходила.

С объединением Даль Риады и королевства пиктов в единое государство христианская традиция возобладала окончательно. Пиктская знать влилась в ряды христианизированной знати гаэльской, и была лишена доступа к тайному знанию предков. Король же Кеннет, хоть и потомок пиктской принцессы, но — христианин, воспитанный в Даль Риаде, не был посвящён в него изначально, по определению.

Разумеется, носители традиции языческой, в частности, и знатоки технологии «верескового» эля, продолжали существовать. И, скорее всего, по очевидным причинам, находились в оппозиции к центральной власти. С чем последняя, столь же очевидно, мириться не желала.

Как я уже неоднократно говорил, никакого геноцида в отношении пиктов со стороны скоттов не было. Но вот непримиримая война с языческой оппозицией, война на полное уничтожение, представляется вполне реальной. И именно она нашла отражение в той самой легенде, в которой

Нагрязнул в шотландские горы

*Король, беспощаден и лих.
Сразил он пиктов в битве,
Облавой пошёл на них.*

В этом контексте понятна позиция короля Кеннета:

*Край ему покорился,
Но не принёс даров.*

А ему, видимо, «вересковый» эль пробовать доводилось, и разницу с тем пойлом, которое готовили скотты, он понимал. А потому, отловив последних уцелевших носителей технологии, старика и мальчика

*Велел отвести их к морю,
На страшный крутой обрыв:
«Жизнь сохраните, мерзавцы,
Мне тайну эля открыв».*

Однако — не обломилось. Старший из пиктов, спровоцировав убийство сына, говорит:

*«А я не боюсь ваших пыток –
Жгите, палите огнём.*

*Тайна сладкого эля
В сердце умрёт моем».*

Потеряв всё, в том числе и смысл жизни, он мстит врагу, обрекая того всю жизнь лакать паршивую ячменную бражку...

Финал истории

История про пиктов, их «зверя» и их эль подошла к концу. Осталось только подвести итоги — отдельно по каждому из охваченных здесь персонажей. И проследить за дальнейшей их судьбой. Хотя следить, казалось бы, не за чем.

Большая часть пиктов слилась с гаэлами в единый народ, который со временем, после инкорпорации бриттов Стартклайда и всяких англосаксонских, норвежских и нормандских понаехалов станет шотландским. Да, язык их был утрачен без следа. Но что делать, такое время от времени случалось в истории со многими народами. И прямые их потомки членораздельной речи от этого не теряли.

Меньшую часть пиктов — перерезали. Одних (неудачливых кандидатов в короли и их приспешников) — как политических противников. Но так делалось испокон веку — *à la guerre comme à la guerre*. Других же, служителей культа, немножечко порезали как оппозиционеров идеологических. А поскольку они же были носителями традиции изготовления «верескового» эля — тайна его ушла в небытие вместе с ними.

*Всё вроде бы так,
А вообще-то не так.*

По крайней мере, не совсем так. Ибо какая-то часть носителей старых традиций

спаслась от резни — а резня в таких случаях, как учит нас история, бывает действительно тотальной. Так что спасшимся оставалось только бежать из страны, которая перестала быть Пиктавией. Куда? На Западе — гаэлы, на Востоке — море, на Юге — Нортумбрия, мало того, что не дружественная, так ещё и давно христианская.

Остаётся Север-старик. Правда, там, на Кейтнесе и Островах, уже полвека как окопались злобные язычники-скандинавы, конкретно норвежцы. В Эпоху викингов — отнюдь не самые гуманные люди. Но другого пути нет. Потому что уж в чём нельзя было обвинить скандинавских язычников — так это в религиозном фанатизме. К тому же пиктам-беженцам было что предложить братьям во язычестве: тайну «верескового» эля.

В разделе о том, где жили пикты, говорилось, что на самом севере Шотландии и на Островах пикты в период существования собственного государства, скорее всего, не жили — они ходили туда походами — достаточно вспомнить разорение Оркнейских островов, учинённое в 682 году пиктским королём Бриде, сыном Били (известном также как Бриде III). И вряд ли поддерживали тёплые, дружеские отношения с местными жителями, вероятно, близкими им по крови и языку.

И тем не менее, в литературе постоянно встречаются неясные сведения о тесной связи пиктов с Оркнейскими островами, до первоисточника которых нелегко докопаться. Вопрос этот проясняет статья Александра Уоллеса (см. Обзор источников). В частности, он со ссылкой на «Шотландские древности» некоего МакРитчи (MacRitchie) говорит о том, что пикты проживали на Оркнея вплоть до, как минимум 1443 года. Причём обитали в подземных домах, вероятно, подобных тем, какие использовались ими, судя по современным археологическим данным, в древности, до образования единого королевства Пиктавия. А уж идея о том, что традиция изготовления «верескового» эля сохранялась здесь чуть ли не Нового времени, проходит через его статью красной нитью.

Это можно объяснить тем, что поздние пикты Оркнейских островов — не реликт древнейшего их населения. А, напротив, потомки беженцев из Пиктавии середины IX века, получившие убежище среди уже скандинавского населения, которое то ли перебило, то ли, скорее, ассимилировано тех аборигенов, с коими пикты некогда

сражались.

В благодарность за пристанище пикты поделились со своими странноприимцами той тайной, которую не хотели открыть своим христианизированным соплеменникам — технологией изготовления «верескового» эля. И в результате технология эта распространилась по Оркнеям далеко за пределы узкого круга беженцев.

Подтверждение чему можно найти в той же статье Уоллеса — там упоминается ирландская легенда о том, что

датские захватчики готовили из эрики хмельной ликер, секрет которого был утрачен после их изгнания, последовавшего за битвой при Клонтарфе.

Датчанами в Западной Европе Эпохи викингов часто обобщённо называли всех скандинавов. Однако известно, что в Ирландии оперировали почти исключительно выходцы из будущей Норвегии. Причём многие из них попадали на Зелёный остров транзитом через острова Северной Атлантики, в том числе Оркнейские. Кроме того, между последними и норвежским королевством в Дублине существовали тесные и постоянные связи. Так что технология «верескового» эля вполне могла попасть в Ирландию при посредстве оркнейских норвежцев, перенявших её от беженцев из Пиктавии. А уж почему источником, на который ссылается Уоллес, он назван ликёром, ведомо одному «пиктскому зверю».

Кстати, мы, хоть и в предположительной форме, несколько прояснили судьбу последних пиктов и «верескового» эля. Пикты, во многом вернувшись к образу жизни своих предков, могли просуществовать на Оркнейских островах около полутысячеления, сохраняя своё этническое своеобразие вследствие замкнутого образа жизни. После чего либо растворились среди оркнейских норвежцев, либо выродились от близкородственных браков и вымерли. Во втором случае возникает

вопрос: а не с этим ли связано представление о пиктах как о карликах? А рецепт «верескового» эля широко распространился в узких кругах ценителей качественной выпивки. В том числе и в «матёрой» Шотландии. Всё тот же Уоллес пишет:

Некоторые современные писатели свидетельствуют о том, что пили вересковый эль в течение последнего полувека. Г-н Уэлд (Mr. Weld) в своей книге «Два месяца в Хайленде» говорит (стр. 83): «хотя искусство изготовления пиктского верескового эля утрачивается, старые охотники пробовали напиток, сваренный из цветов вереска, хотя и с добавлением мёда или сахара для лучшего сбраживания.

Так что, возможно, «вересковый» эль дожил до промышленных пивоварен, которые и поставили точку в его долгой истории. Хотя кто знает? Может быть, прямо сейчас знатоки и умельцы из шотландской глубинки возрождают старинные сорта на современной научно-технической базе. Статья Уоллеса, не содержа прямых к тому рецептов, даёт достаточно пищи для размышлений, как это можно сделать.

А вот про судьбу «пиктского зверя» ещё не было сказано ни слова. Исправляюсь — тем более что судьба у него оказалась счастливой. В ипостаси морского конька плавает он в своё удовольствие по тропическим морям. Иногда попадая к берегам Британских островов. И невдомёк ему, что когда-то там жили люди, которые поклонялись его предку, как божеству...

Приложения

Когда я начинал сочинять первую редакцию этой новеллы, главной его частью мне казалась история сюжета о «вересковом» эле в литературе вообще и в русской литературе в особенности. Однако каждая последующая редакция всё больше уклонялась в сторону истории пиктов. И в результате в редакции нынешней историю

сюжета вообще оказалось логичным перенести в Приложения.

Ибо из всего сказанного в основной части этого сочинения очевидно, что сюжет баллады Стивенсона не имеет никакого отношения к борьбе пиктов со скоттами за свою независимость, в ходе которой пикты подверглись поголовному истреблению. Нет, сюжет старины Лу — последняя попытка приверженцев «пиктского зверя» сохранить свою Великую Алкогольную тайну. И потому интересно рассмотреть его историю отдельно.

В четвёртой редакции приложения сокращены даже по сравнению с третьей: оригиналы стихов старины Лу мне показались чужеродным элементом в русском тексте. Да и не Фурманов я, чтобы к чужой славе примазываться — даже таким способом. Тем более, что заинтересованные лица легко найдут оригиналы в сети.

Приложение 1. Предыстория сюжета

В статье Александра Уоллеса приводится несколько выдержек из древних ирландских и шотландских источников, описывающих события, которые могли бы лечь в основу баллады Стивенсона. Однако сюжет её намного древней. И восходит к одной из героических песен «Старшей Эдды», в изданиях её именуемой «Гренландская песнь об Атли».

Пересказывать сюжет всей песни не буду — он более или менее может быть знаком читателю если не по «Песни о Нибелунгах» или опере Вагнера, то по весьма неплохому немецкому фильму «Кольцо Нибелунгов». Да и к истории пиктов и тайны их эля не имеет отношение.

Но в этой песне есть такой эпизод: когда Гуннар и Хёгни (Гюнтер и Хаген германской традиции — в скандинавском варианте они братья, а не король и вассал) были схвачены воинами Атли (а это ни кто иной, как Аттила истории и Этцель германского эпоса), тот учинил им допрос: куда подевали сокровища убиенного ими Сигурда (которые тот и сам отнял у дракона Фафнира, предварительно замочив одного). Обещая, если хоть один из братьев расколется, сохранить жизнь обоим.

Оба брата поначалу отказались — не из жадности (золото было уже утоплено ими в Рейне и недосыгаемо ни для кого), а исключительно дабы позлить врага своего. Но потом Гуннар согласился — при условии, что Хёгни убьют и как доказательство продемонстрируют его сердце. Когда же это было исполнено, Гуннар заявил, что теперь он один знает тайну золота Нифлунгов, и она умрёт вместе с ним. Полностью этот отрывок приведён в Приложении 5.

Приложение 2. Сюжет в русской традиции

С лёгкой руки Стивенсона, пиктам и их элю суждена была долгая жизнь в русской литературной традиции. И начало этому положил отнюдь не Маршак — как мы только что видели, реконструируемая история имеет мало общего с той трактовкой, которую она обрела в его переводе.

Тем, кто читал стихи Константина Симонова, не может не броситься в глаза сюжетное совпадение его «Рассказа о спрятанном оружии» с балладой Стивенсона. Причём трактовка Симонова по духу гораздо ближе к оригиналу, нежели к сентиментальной истории о Старише-Кибальчише и его антиалкогольной тайне (выражение Александра Пименова), поведанной Самуилом Яковлевичем.

Тем не менее, издавна мне казалось, что стихи Симонова написаны под влиянием именно перевода Маршака. Пока я наконец попросту не сверил даты:

- «Рассказ...» Симонова — 1936 год;
- «Вересковый мёд» в переводе Маршака — 1941 год.

Так что скорее можно было бы говорить о том, что именно стихи Симонова побудили Маршака к переводу баллады Стивенсона.

Однако оказалось, что был и предшествующий перевод баллады — «Вересковое пиво» Николая Корнеевича Чуковского. Не смотря на несколько игривый стиль (а может быть, как раз благодаря ему), он совершенно не производит того впечатления сюсюкания, которое возникает при прочтении перевода Маршака. Впервые опубликованный в 1939 году, выполнен он был, однако, в 1935-м. А поскольку переводческий мир тесен — Симонов вполне мог знать о его существовании задолго до публикации. И именно

перевод Чуковского мог бы выступить в качестве прототипа его «Рассказа...»

Но возможно, что всё обстоит гораздо проще. И мы имеем дело с одним из бродячих сюжетов, который так или иначе мог быть реализован разными авторами в разных странах и в разное время. И его воплощения зависят не столько друг от друга, сколько от какого-то общего прототипа.

А русскоязычная история сюжета «Верескового эля» не закончилась на переводах Чуковского и Маршака, и его преложении (если так допустить влияние первого) Симоновым. Уже в нашем тысячелетии баллада Стивенсона переводилась чуть не с полдюжины раз. Не возьмусь сравнивать эти переводы с позиций высокой поэзии — но чисто эмоционально мне больше всего нравится перевод Андрея Кроткова. Который, к тому же, представляется наиболее точным с точки зрения как буквы, так и духа баллады.

Впрочем, заинтересованный читатель легко может составить собственное впечатление. Правда, для этого ему придётся покопаться в Сети. Или — обратиться сами знаете куда за 2-й редакцией: из редакций 3-й и 4-й исключены все переводы, которые я смог обнаружить, кроме перевода Андрея. А предшествует ему оригинальный текст Стивенсона и его краткий комментарий по этому поводу.

Приложение 3. О старине Лу и его недописанных романах

Однако, прежде чем переходить к балладе, мне хотелось бы сказать несколько слов о самом Стивенсоне. Наибольшую известность он получил не как поэт, а как автор приключенческих романов, два из которых остались недописанными. Возможно, потому, что и жизнь его была отрывком из романа, точку в котором судьба поставила слишком рано...

И прошу не считать заголовок этого очерка попыткой фамильярно похлопать по плечу классика. Просто я с детских лет сроднился с его творчеством, что действительно воспринимаю его как товарища.

Как известно, Роберт Луис Стивенсон умер сорока четырёх лет отроду, оставив

недописанными два романа — «Сент-Ив» и «Уир Гермистон».

«Сент-Ив» был закончен примерно на три четверти, дальнейшее развитие сюжета, как и финал романа, угадывались без труда. Издатели обратились с предложением завершить его к ряду литераторов, в том числе и к признанным классикам приключенческого жанра — Артуру Конану Дойлу и Райдеру Хаггарду. Оба они отказались, причём сэр Артур мотивировал отказ тем, что как стилист далеко уступает Стивенсону, и не сможет продолжить сочинение последнего должным образом. Хотя версию о том, что сэр Артур таки дописал роман, можно найти в Интернете, причём на ресурсах, полагающих себя серьёзными.

Однако это не так. Дописал роман «Сент-Ив» профессиональный литературовед и литературный критик Квиллер Куч. Причём сумел так воспроизвести стиль Стивенсона, весьма своеобразный, что, если не знать, на каком месте обрывается авторский текст и начинается продолжение Куча — догадаться об этом, как говорят, довольно сложно и в оригинале. А в переводе — так просто невозможно.

На самом деле авторский текст обрывается последней фразой главы XXX, на словах:

Я оглядел комнату, оловелого Роули, который тупо таращил на меня мутные глаза, погасший камин: мне вспомнились все нелепые происшествия этого нескончаемого, долгого дня, и я горько, невесело рассмеялся...

И последние шесть глав уже целиком принадлежат перу Куча. Но кто из читателей за прошедшие почти 120 лет (роман был опубликован в 1897 году, через три года после смерти Стивенсона), положив руку на сердце, смог бы сказать, что догадался об этом?

А вот роману «Уир Гермистон», о котором автор говорил, что это будет самое сильное из его произведений, повезло меньше — дописывать его не взялся никто. И не потому, что никто не счёл себя достойным этой чести. Причина — в том, что автор так и не

успел придумать удачного разрешения закрученных им сюжетных коллизий.

Таких трудноразрешимых коллизий в романе две. Тем, кто читал написанное — они понятны, тем, кто не читал — очень рекомендую прочитать. Потому как обе они целиком завязаны на общий сюжет, который я могу пересказать лишь вкратце.

Коллизия первая: судья выносит смертный приговор своему сыну, виновному в убийстве на дуэли своего злейшего друга и закадычного врага, соблазнившего его девушку и, как это положено среди блаародных гаспадинов, свалившего вину на него.

Коллизия неразрешимая — это противоречило законам Шотландии (не оттуда ли идёт сюжет старой нашей блатной песенки про прокурора и маленького вора? — у нас это представляется более правдоподобным). Возможно, драматизма ради, Стивенсон пошёл бы на такое нарушение буквы закона, тем паче что со времён описываемых событий прошло полтора века. А даже в доброй старой Шотландии память человеческая имеет пределы.

Но вторая коллизия была неразрешима. Братавья обесчещенной девушки, сначала изловившие героя и отдавшие его в руки правосудия, узнав правду, отбивают его из тюрьмы. Что было бы вполне реально в местячковом домзаке шотландской глубинки. Но практически невозможно — в городской тюрьме Эдинбурга, где, по опять-таки тем же шотландским законам того времени, должен был содержаться приговорённый к смертной казни.

И вот эту коллизию Стивенсон не мог разрешить все последние годы своей жизни — «Уир Гермистон» так и остался неоконченным. И мы никогда не узнаем, какое решение придумал бы автор, отпусти ему судьба ещё несколько лет жизни. Но что это решение было бы изящным и реалистичным — в этом не сомневаются все, кто знает и любит его творчество.

С соавторством Стивенсона связано ещё несколько историй. Так, ряд его романов при жизни издавался за двумя подписями. Иногда второй было имя Фанни Стивенсон, его жены, иногда — его пасынка Ллойда Осборна, сына Фанни. После смерти писателя они сняли свои имена с титульных страниц — с тех пор и «Остров сокровищ», и

«Потерпевшие кораблекрушение», и ряд других произведений традиционно издаются только под именем Роберта Луиса Стивенсона. Исключение — «Жизни на Самоа», которая за его именем вместе с именем Фанни — надо полагать, в этом случае соавторство было реальным.

Фанни и Ллойд позднее объяснили причины и своего соавторства, и отказа от него. Стивенсон всю жизнь тяжело болел. Он не трясся над своими насморками, жил активной жизнью, объездил нашу планету от Калифорнии до Полинезии. А объём написанного им поражает воображение: советские собрания сочинений Стивенсона включают лишь малую часть его наследия как литератора и как журналиста. Нет, он не боролся за жизнь, и тем более не цеплялся за неё, как можно прочесть в некоторых его биографиях: он дрался со смертью. Обратной стороной чего была готовность к ней в любой момент. Как и готовность к тому, что его «производственные» дела окажутся неурегулированными.

Гонорары Стивенсона были единственным источником средств к существованию его семьи — и в конце его жизни, когда он добился, без преувеличения, мировой известности, источником вполне приличным. А потому он заранее хотел уберечь своих близких от судебных разборок за наследство: соавторы имели право на свою долю гонорара вне зависимости от решения наследственных дел.

На могиле Стивенсона, на острове Уполу, архипелаг Самоа, выбита эпитафия, сочинённая им самим задолго до смерти. Существует бессчётное множество её переводов на русский — каждый заинтересованный легко отыщет тот, что ему придётся по вкусу. Мне больше всего нравится перевод А.Сергеева:

*К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру,
Я радостно жил и легко умру,
И вам завещаю одно --
Написать на моей плите гробовой:
Моряк из морей вернулся домой,*

*Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шёл давно.*

Мне кажется, он больше всего похож на оригинал. Впрочем, и тот, что заканчивается строками

*Домой вернулся моряк, домой с моря.
И охотник с холмов вернулся домой*

тоже хорош. Вот только автора, увы, не помню...

Приложение 4. Вересковый эль

Перевод Андрея Кроткова, 2009

Из колокольцев вереска
В давние времена
Питьё умельцы варили
Слаще и крепче вина.
Варили эль и пили,
И падали в забытыи
Один подле другого
В подземные норы свои.

Нагрянул в шотландские горы
Король, беспощаден и лих.
Сразил он пиктов в битве,
Облавой пошёл на них.

Он гнал их по нагорьям,
Всех истребляя дотла,
И землю сплошь устилали
Их крошечные тела.

Тёплое лето вернулось.
Пустоши в алом цвету.
Но нет живых, чтоб поведать
Тайну забытую ту.
Словно малые дети,
По взгоркам родной земли
Шотландские пивовары
В смертном сне легли.

В долину, где алый вереск,
Король на скаку влетел.
Там густо гудели пчелы,
И воздух от птиц темнел.
Коня он злобно шпорил,
Бледен и чернобров:
Край ему покорился,
Но не принёс даров.

И вот она — удача:
Воины свиты нашли
Спрятавшихся под камнем
Жителей здешней земли.
И выволокли грубо
Пред свет королевских очей
Маленького Народца
Последних двоих сыновей.

То были старик и мальчик.
Их кожа темна-смугла.

Король на коротышек
Поглядел с высоты седла.
Велел отвести их к морю,
На страшный крутой обрыв:
«Жизнь сохраните, мерзавцы,
Мне тайну эля открыв».

Отец и сын стояли,
Глядя перед собой.
Вокруг расстился вереск,
Внизу клочкотал прибой.
Очнувшись, голосом резким
Молвил старик: «Молю,
Позвольте тайное слово
Мне шепнуть королю.

В старости жизнь дороже,
Чем сущая мелочь — честь.
Тайну открыть готов я,
Но делу помеха есть».
И шёпот его воробьиный
Вдруг окрепнул, звеня:
«Тайну открыть готов я –
Сын смущает меня.

Юные страха не знают,
Жизнь не ценят свою.
Мне стыдно, что он увидит,
Как честь я продаю.
Пускай мальчишку свяжут
И в море бросят со скал.
Тогда я открою тайну,
Что клятвенно сберегал».

И мальчика скрутили
 Ремнём от шеи до пят,
 И подняли, и швырнули
 Туда, где волны кипят.
 Пучина его поглотила,
 Не слышен был детский крик.
 И встал один на утёсе
 Последний упрямый старик.

«Сказал я чистую правду:
 Страх за сына томил.
 У юности безбородой
 Мало душевных сил.
 А я не боюсь ваших пыток –
 Жгите, палите огнём.
 Тайна сладкого эля
 В сердце умрёт моем».

Приложение 4. Комментарий к балладе

Роберт Луис Стивенсон, 1890
 Перевод Алексея Федорчука
 Оригинал, например, [здесь](#).

Среди курьёзов человеческого восприятия эта легенда занимает почётное место. Излишне напоминать читателю, что пикты не были истреблены. И по сей день их потомки составляют большую часть населения восточной и центральной Шотландии, от Ферт-оф-Форт (а возможно и от Ламмермура) на юге до мыса Кейтнесс на севере. Предположение, что тупого летописца вдохновило отвращение к собственным предкам, кажется странным, и легенда эта кажется невероятной. Но возможно, что ошибка его была не столь уж большой?

И в легенде первоначально речь шла не о пиктах, а, например, о лопарях, малорослых, черноволосых, живших в землянках и, возможно, занимавшихся выгонкой спиртосодержащей жидкости, в дальнейшем забытой? См. «Сказки Западного

Хайленда» мистера Кэмпбелла.

Однако на счёт лопарей старина Лу явно ошибался — ну не было в Шотландии никаких лопарей — А.Ф.

Приложение 5. Старшая Эдда. Гренландская песнь об Атли

Предыстория сюжета, в записи XIII века

Перевод А.Корсуна, отрывок, строфы 20-27

20

Спросили, не хочет ли
готов властитель
золото дать,
откупиться от смерти.

21

Гуннар сказал:
«Пусть сердце Хёгни
в руке моей будет,
сердце кровавое
сына конунга,
острым ножом
из груди исторгнуто».

22

Вырвали сердце
у Хьялли из рёбер,
на блюде кровавое
подали Гуннару.

23

Гуннар воскликнул,
владыка дружины:
«Тут лежит сердце
трусливого Хьялли,
это не сердце

смелого Хёгни, –
даже на блюде
лёжа, дрожит оно, –
у Хьялли в груди
дрожало сильнее!»

24

Вождь рассмеялся –
страха не ведал он, –
когда грудь рассекли
дробящего шлемы
и сердце на блюде
подали Гуннару.

25

Гуннар сказал,
славный Нифлунг?
«Тут лежит сердце
смелого Хёгни,
это не сердце
трусливого Хьялли,
оно но дрожит,
лёжа на блюде,
как не дрожало
и прежде, в груди его!

26

Атли, ты радости
так не увидишь,
как не увидишь
ты наших сокровищ!
Я лишь один,
если Хёгни убит,
знаю, где скрыто
сокровище Нифлунгов!

27

Был жив он — сомненье

меня донимало,
нет его больше –
нет и сомненья:
останется в Рейне
раздора металл, –
в реке быстроводной
асов богатство!
Пусть в водах сверкают
вальские кольца
а не на руках
отпрысков гуннских!»